

S $\frac{92}{23}$ $\frac{92}{23}$

παβλὸβ.

ο καλμικαχι.

1845

0

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ

ПО АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУСТЫННИКОМЪ ВЪ ХИЖИНѢ

И О ПЕРСИЯНАХЪ,

ВОДВОРИВШИХСЯ ВЪ АСТРАХАНИ.

СОЧИНЕНІЕ ПУТЕШЕСТВОВАВШАГО ПО РОССИИ
СЪ 1824 ПО 1835-й ГОДЪ.

А. Павлова.

ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЯ.

— — — — —
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИНЦЕ.

1845.

S 92
93

0

132

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ

ПО АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ.

ар. 32-5302

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИНЦЕ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 27 Октября 1841.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

2007231715

Кочующіе по Астраханской степи Калмыки, въ весеннее время имѣютъ обыкновеніе отъ заливовъ рѣки Волги и Каспійскаго моря, возлѣ коихъ въ зимнее густая трава служить пищею для ихъ рогатаго скота, овецъ и конскихъ табуновъ, перекочевывать къ Донскимъ владѣніямъ. Оставшійся на 3-и дня улусъ, въ 7-ми верстахъ отъ бѣлозерской почтовой станціи, долженъ былъ послужить мнѣ на первый разъ убѣжищемъ и средствомъ сблизиться съ народомъ, занимательнымъ по своимъ привычкамъ, склонностямъ, вѣроисповѣданію, языку и образу жизни. Я поспѣшилъ къ нему на своемъ конѣ, въ надеждѣ сыскать хорошаго переводчика, которой обѣ яснялъ бы мнѣ неизвѣстные предметы и прогонялъ ими скуку, обременявшую путешественника въ дикихъ, песчаныхъ и бесплодныхъ степяхъ, гдѣ натура, какъ бы омертвѣла и лишила обитателей ея тѣхъ прелестныхъ видовъ и привлекательнаго расположенія къ оплодотвореннымъ предметамъ, какими наслаждаются взоры Швейцарца, живущаго при подошвѣ Альпъ.

При подъѣздѣ къ улусу, игравшій возлѣ кибитки Калмыченокъ проводилъ меня въ нее отъ собакъ. Въмѣсто семейства Калмыцкаго, увидѣлъ

я въ ней веселаго, разговорчиваго и любезнаго въ *свѣтскомъ* обществѣ Пристава. Привѣтливость его и вѣжливость плѣнили меня. Разказавъ настоящую причину моего путешествія, я по приглашенію его отправился съ нимъ въ улусы, которые обязанъ онъ былъ по должности своей ревизовать. Майскіе утренники, при благопріятной погодѣ споспѣшествовали намъ въ нѣсколько сутокъ проѣхать до 400 верстъ. Мы заѣзжали къ Владѣльцамъ, посѣщали Улусныхъ судей, Гелюнговъ и вездѣ были приняты съ отличною благоклонностію. Я не упустилъ изъ виду, по имѣвшейся у меня картѣ свѣрить пространство мѣста, занимаемаго кочевыми жителями.

Астраханская степь съ восточной стороны прилежитъ къ правой сторонѣ рѣки Волги, начиная отъ заливовъ Каспійскаго моря, напротивъ бѣлозерской почтовой станціи существующихъ, и ограничивается къ сѣверу, Саратовской Губерніи, Царицынскаго уѣзда, владѣніями сарептской колоніи; западная сторена граничитъ съ землею Донскихъ козаковъ, а южная съ степью кизлярскаго уѣзда по рѣку Куму, за которою кочуютъ Нагайцы.

Песчаная и безплодная почва земли не имѣетъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ, кромѣ зеленой травы, полыни и густаго камыша, растущаго по заливамъ рѣки Волги и Каспійскаго моря. Вся степь занимаемая Калмыками имѣетъ въ длину

до 700 а въ ширину до 600 верстъ. На этомъ странствѣ, съ одного мѣста на другое перекочевываютъ до 30-ти тысячъ кибитокъ, въ которыхъ за исключеніемъ женскаго пола считаютъ около ста тысячъ душъ, раздѣленныхъ на двѣ Орды. Первая изъ нихъ называется Дербетовскою, а послѣдняя Тюменевскою. Обѣ онѣ составляютъ 9-ть улусовъ, которые подраздѣляются на Аймаки, а сіи на хотоны.

Управленіе Калмыцкаго народа, со времени подданства его Россіи, ввѣряется всегда, съ Высочайшаго разрѣшенія Азіятскимъ департаментомъ главному Приставу. Онъ обязанъ пешиись о благосостояніи ввѣренной ему націи, поддерживать права ея, относительно дарованныхъ преимуществъ и обезопасить личность каждаго отъ обидъ и притязаній; нарушителей законнаго права, судя по роду преступленія подвергать штрафу, наказанію или уголовному суду, а обиженныхъ удовлетворять сообразно справедливымъ ихъ требованіямъ. На этомъ основаніи казенные Улусы состоятъ подъ завѣдываніемъ частныхъ приставовъ, которые въ сомнительныхъ дѣлахъ, испрашиваютъ разрѣшенія Главнаго Пристава и на предписаніяхъ его ведутъ порядокъ дѣлъ слѣдственныхъ и исполнительныхъ, вмѣстѣ съ улусными судьями.

Многими улусами завѣдываютъ Ноіоны или владѣльцы, а аймаками Зайсанги. Они по родословию своему представляютъ видъ нашихъ дворянъ

съ наследственными правами и преимуществами; но права ихъ въ отношеніи своихъ подданныхъ имѣютъ различіе. Первые Ноіоны, по усмотрѣнію своему вольны налагать на своихъ подвластныхъ различныя подати, (*) употреблять ихъ въ работу и давать отпуска на заработки въ другихъ мѣстахъ, а послѣдніе Зайсанги, могутъ только пользоваться отъ своихъ аймаковъ очередною прислугою и денежными доходами; но это предоставленіе обязываетъ ихъ смотрѣть за соблюденіемъ порядка по аймакамъ, исполнять вточности всѣ приказанія владѣльцевъ и давать отчетъ имъ въ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ. Простой народъ благоговѣетъ предъ обоими этими поколѣніями и называетъ ихъ Цаганъ Ясанъ т. е. бѣлыя кости, но не смотря на почетное титуло Ноіоны, вслучаѣ неудовольствія имѣютъ право наказывать Зайсанговъ тѣлесно.

Въ путешествіи моемъ съ Приставомъ случилось мнѣ видѣть Богослуженіе Калмыковъ. Они идоло-

(*) Долгое время власть Ноіоновъ надъ своими подданными была неограниченна до такой степени, что они располагали не только собственностію, но и жизнію людей, принадлежащихъ къ ихъ улусамъ; но такое безчеловѣчное право Россійскіе Самодержцы уничтожили милосердными Законами, за соблюденіемъ коихъ назидаютъ всегда Частныя пристава и улусные судьи, живущіе при владѣльческихъ ставкахъ и не только не допускаютъ Наіоновъ до жестокостей надъ подвластными, но вправѣ входить въ распоряженія ихъ и обиженнымъ оказывать законную защиту.

поклонники, болѣе слѣдуютъ ученію Ламы и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ предъ Высшимъ существомъ. Многіе имѣютъ его изображеніе и хранятъ возлѣ бурхановъ священныхъ книгъ, писанныхъ на Тангутскомъ языкѣ. Желаящіе совершить службу приглашаютъ въ свой улусъ Гелюнговъ (*) и Манжей. Съ особеннымъ уваженіемъ принимаютъ ихъ и почитаютъ, что ихъ присутствіе удалить навсегда отъ нихъ эрликовъ, т. е. чертей.

Эти духовные отцы по обряду своему поджавши ноги, садутъ въ кружокъ, посреди кибитки; одинъ изъ нихъ вынетъ изъ боковаго кармана вызолоченной, или серебряной истуканчикъ, представляющій Ламу; поставитъ его на чистую полость и прикроетъ съ головы до ногъ тонкою кисеею; потомъ вытащитъ изъ мѣшка машинку, называемую на ихъ языкѣ кюрде. Она видомъ своимъ похожа на барабанъ, утвержденный на шпиль, которой приводится въ движеніе посредствомъ шнура. Какъ внутренность, такъ и наружность этого барабана, украшена разными тибетскими молитвами, писанными краскою. Старшій гелюнгъ, держа въ правой рукѣ шнуръ, безпрестанно дергаетъ его, отъ чего кюрде начнетъ вертѣться, а прочіе едва слышнымъ голосомъ повторяютъ священную формулу: Омъ ма ни надъ

(*) Гелюнгъ Священникъ, а Манжа послушникъ.

ме хумъ. (*) Въ это время сидящіе во кругъ гелюнговъ моельщики и моельщицы съ благоговѣніемъ смотрятъ на почитаемое ими Божество, выпускають тяжкіе вздохи и видомъ состраданія показываютъ предъ нимъ какъ будто раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Спустя два часа вбѣгутъ въ кибитку нѣсколько дѣвъ, начнутъ играть въ бубны, ударять въ цимбалы, а нѣкоторые и реветъ въ трубы; потомъ бѣгать во кругъ своего Божка и плясать до тѣхъ поръ, пока потъ начнетъ катиться градомъ съ ихъ одутливыхъ щекъ.

По окончаніи сего шумнаго торжества, гелюнги впялятъ въ мѣшокъ свой барабанъ, а истуканчика завернувъ въ кисею положить за пазуху. Потомъ хозяинъ кибитки подастъ жрецу особую чашечку съ водою, въ которую онъ обмакнетъ вѣничекъ и опрыщетъ имъ всѣхъ прихожанъ. Непримѣняющіе возможности помѣститься въ кибиткѣ при отправленіи Богослуженія, сквозь щели ея обратятъ любопытные свои взоры на священнодѣйствія своихъ пастырей и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выхода ихъ, что бы отъ почтительнаго имъ привѣтствія получить отраду и спасеніе душъ. Но

(*) Многіе Калмыки покупають у Гелюнговъ Кюнде за большую цѣну, и безъ нихъ вертятъ ее также чрезъ шнуръ почитая, что кругообращеніе ея замѣняетъ чтеніе молитвъ; а которыми недосужно или лѣнь дергать ее, тѣ приделавши къ ней крылья выставляютъ ее на воздухъ и предоставляютъ вѣтру приводить молитвы въ движеніе, въ замѣнъ личной ихъ службы.

неторопливые гелюнги (*), не выходя изъ молитвенной кибитки, по приглашенію старшинъ всего хотона, примутся сперва пить калмыцкій чай, потомъ курить трубки, а на послѣдокъ ѣсть вареную или жареную на шашлыкѣ баранину. Засѣданіе ихъ продолжается около 8-ми, а иногда и до 10-ти часовъ. Въ такое продолжительное время почитатели ихъ съ тощимъ желудкомъ томятся около кибитки и съ удовольствіемъ терпятъ голодъ изъ чистосердечнаго къ нимъ уваженія.

Какъ скоро услышатъ они, что Духовные отцы вставши съ своихъ мѣстъ готовятся къ выходу, то вдругъ толпа мужчинъ, женщинъ и дѣвицъ обступятъ дверцы кибитки, и всякой изъ нихъ стараются на перерывъ поцѣловать полу его платья и услышать изъ устъ благосклонное слово. Одинъ ласковый взоръ гелюнга и пріятная его улыбка приводитъ въ восторгъ ревностныхъ къ нему приверженцевъ, которые взявъ ихъ подъ руки ведутъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ семействъ до своихъ кибитокъ; впереди же ихъ молодые мужчины съ дѣвицами пляшутъ, играютъ въ бубны, а нѣкоторые устилаютъ путь ихъ степными цвѣтами.

При входѣ въ кибитку, богатые сажаютъ ихъ на мягкія пуховыя подушки, а бѣдные на обы-

(*) Каждой Гелюнгъ и Манжа, послѣ Богослуженія выпьетъ чашекъ по 5-ти Калмыцкаго чаю, выкурить трубокъ 10 крѣпкаго табаку и съѣсть фунтовъ 10-ть вареной или жареной баранины.

кновенныя полости; но всѣ вообще стараются угощать ихъ кумысомъ или простымъ виномъ, до котораго они пристрастны болѣе, нежели мірскіе люди. Не смотря на Ламайскій законъ, воспрещающій духовнымъ отцамъ вести жизнь безбрачную, имъ приверженцы всегда предоставляютъ случай утопать въ сладострастіи; по сей причинѣ и не имѣютъ они желанія постоянно жить при хурулахъ (монастыряхъ), имѣть въ нихъ общій столъ и воздерживаться отъ горячихъ напитковъ, а часто подъ видомъ требъ или другихъ надобностей, испрашиваютъ дозволенія Ламы и разѣзжаются по всѣмъ хотонамъ, что бы пресыщаться вкусными яствами и всякаго рода удовольствіями.

Многіе изъ нихъ одарены природнымъ краснорѣчіемъ. Умѣютъ рассказывать въ бесѣдахъ разнаго рода происшествія, занимать воображеніе своихъ слушателей и пользоваться ихъ неограниченнымъ довѣріемъ. Искусны будучи въ правахъ своихъ, имъ Ноіоны, Зайсанги и богатые Калмыки препоручаютъ имѣть хожденіе по спорнымъ дѣламъ, и рѣдко случается, что бы при бдительности своей проиграли они процессъ защищаемой ими партіи или какого либо лица. Но къ несчастію сами иногда остаются въ подозрѣніи у Начальства въ отгонѣ чуждаго скота или лошадей.

Права и преимущества, дарованныя Россійскими законодателями Калмыцкому народу почти на

равнѣ съ Нагайцами. Вся Астраханская степь состоитъ въ непосредственномъ ихъ владѣніи; они вправе дозволить другой націи кочевать на ней, и вслучаѣ самовольнаго татарами помѣщенія воспретить имъ. Съ согласія общественнаго вольны избирать другой родъ жизни (*) заводить фабрики, вступать въ откупы, подряды, заниматься рукомеромъ, производить разнаго рода мѣлочную и оптовую торговлю, сообразно постановленнымъ отъ Россійскаго правительства на таковой предметъ правиламъ. Освобождены отъ платежа подушныхъ и рекрутскихъ денегъ; изъяты отъ поземельной повинности; но обязаны только удовлетворять почтосодержателей станцій за возку почтъ, да и этотъ окладъ не превышаетъ 2-хъ рублей съ души въ годъ.

Въ родственныхъ отношеніяхъ права ихъ и обыкновенія во многомъ одинаковы съ нашими.

Дѣти мужескаго пола, послѣ смерти отца своего остаются наследниками всего движимаго и недвижимаго имущества. Старшій изъ нихъ заступаетъ мѣсто родителя. Вдова не участвуетъ въ имѣніи мужа, по смерти его, но и на собственность ея приданаго не имѣютъ права дѣти

(*) Калмыки, по привязанности къ кочевой жизни не переходятъ въ другія сословія, но всегда готовы на манеръ линейныхъ козаковъ служить подъ русскими знаменами и личными заслугами приобрѣтать почести, принадлежащія храбрымъ воинамъ.

ея обоихъ половъ. Она по желанію своему можетъ передать имъ имѣніе при жизни, завѣщать при смерти или возвратить роднымъ. Всѣ уступныя и завѣщательныя записи дѣлаются съ засвидѣтельствowanія ихъ гелюнговъ, улусныхъ судей и родственниковъ. Оставшіеся послѣ смерти родителей своихъ и родственниковъ безъ всякаго наслѣдства Калмыченокъ называется байгушъ (*) т. е. бѣднякъ, сирота. Онъ отдается по распоряженію общества къ какому нибудь семейству, причисляется къ его роду, и имѣетъ на равнѣ съ дѣтьми его право наслѣдства.

Дѣти, оставшіеся отъ первой жены, при жизни отца ихъ, оказываютъ уваженіе мачихѣ, изъ почтенія только къ ихъ родителю, по смерти котораго, если она не прижила съ нимъ дѣтей, или презрѣніе пасынковъ и падчерицъ становится ей въ тягость, всегда уѣзжаетъ на жительство къ своему отцу, матери или роднымъ. Она не имѣетъ правъ въ наслѣдіи мужа и не обязана передавать собственности ни его дѣтямъ, ни своимъ.

Выдаваемые въ замужество дочери пользуются приданымъ по волѣ отца, матери, а за смертію ихъ по распоряженію родныхъ; но имъ назначается малая часть изъ имѣнія, противу мужскаго пола.

(*) Байгушами называются у нихъ и всѣ вообще бѣдные люди, снискивающіе пропитаніе работою, и имѣющіе малую часть рогатаго скота, овецъ, одну или двѣ лошади.

Всѣхъ юношей и дѣвицъ обязываетъ законъ почитать старшихъ. Пренебреженіе, оказанное имъ и неповиновеніе наказывается родителями безъ всякаго суда. Ихъ власть надъ дѣтьми есть священная и неограниченная, исключая уголовныхъ преступленій.

Но и тѣ самыя, по общепринятому ихъ обыкновенію обесуживаются иногда на мѣстѣ улусными судьями, безъ отсылки виновныхъ къ суду, напр: попавшійся въ первый разъ въ воровствѣ лошади, овцы или рогатой скотины Калмыкъ подвергается штрафу, во второй наказывается въ виду старшинъ нагайкою, а въ третій отсылаютъ его на сужденіе къ частному приставу, которой уже съ общаго мнѣнія судей и согласія Главнаго Пристава препровождаетъ виновнаго вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ въ Уѣздный судъ. Безъ всякой отмѣны поступаетъ Начальство и съ похитителями казенной соли, передержателями безъ письменныхъ видовъ бродягъ и съ самовольно отлучившимися въ другой уѣздъ, или той же Губерніи какой либо городъ безъ паспортовъ. Не избавляется отъ слѣдствія и тотъ, кто не объявить старшинѣ о перебѣжавшей въ его стадо изъ чужаго коровы, быка, овцы, а изъ табуна лошади; равной участи подвергается и передатель чуждаго въ другія руки вмѣстѣ съ принимаемымъ, хотя бы первый изъ нихъ не получилъ отъ послѣдняго никакой выгоды.

Главное занятіе Калмыковъ состоитъ въ размноженіи овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Лошади ихъ довольно рослы, различной шерсти, дикі и даже неприступны. Съ великимъ трудомъ ловятъ ихъ Калмыки въ табунѣ и большое прилагаютъ стараніе объѣзжать верхомъ. Но они такъ въ этомъ искусны, что могутъ похвастаться первыми въ мірѣ объѣзжиками. Лично я видѣлъ, какъ они накидываютъ на нихъ арканъ въ табунахъ, по примѣру Нагайцевъ и что бы приучить каждую къ верховой ѣздѣ садятся сперва на лошадь безъ сѣдла; чрезъ два или три дня, смотря по характеру ея набрасываютъ мягкой подсѣдельникъ, на которомъ проѣзживаютъ ее болѣе недѣли, и когда увидятъ, что лошадь начинаетъ привыкать къ сѣдоку сѣдлаютъ ее во всю форму, ѣздятъ на ней по трое сутокъ и не снимаютъ сѣдла по недѣли; стреноживаютъ во время пастбы и оставляютъ въ путяхъ на цѣлую ночь. Мнѣ случалось видѣть и упрямыхъ лошадей, которые при всей дикости не могутъ сбрасывать Калмыковъ на землю; не смотря на то, что она старается лечь на бокъ догадливый Азіятецъ, безъ пощады бьетъ ее въ то время нагайкою; отъ этихъ тяжкихъ ударовъ лошадь вскакиваетъ, становится на дыбы, или скачетъ во весь опоръ, подвергается усталости и съ изнеможеніемъ силъ постепенно обуздываетъ свою свирѣпость;— если же Европѣецъ, по незнанію осмѣлится подойти къ

ней близко, то въ одно мгновеніе успѣетъ она ударить его задними ногами, или оборвавши веревку и узду ускакать за нѣсколько верстъ, и кто жъ можетъ ее поймать? Проворный и изгибистый Калмыкъ, стремительно набрасывающій на нее арканъ, и искусно останавливающій ее на самомъ скаку.

О размноженіи коневодства, они не прилагаютъ особеннаго попеченія и не имѣютъ отличнаго приплода жеребцовъ и кобылицъ. Всѣ предоставляетъ имъ одна природа и надѣляетъ ихъ безъ (излишнихъ) докучливыхъ трудовъ большими табунами.

Относительно овцеводства, надобно отдать имъ справедливость, что они имѣютъ довольно хорошее понятіе о улучшеніи его и стараются всегда привести эту статью въ усовершенствованіе. Недопускаютъ никогда барановъ, овецъ и ягнятъ до какой нибудь болѣзни, и искусны лѣчить ихъ отъ нея во всякомъ случаѣ, не требуя совѣта или пособія ветеринаровъ. Собираемую съ нихъ въ большемъ количествѣ шерсть употребляютъ они на кошмы, или иначе сказать войлоки; по примѣру прочихъ кочевыхъ народовъ обвѣшиваютъ ими кибитки, а внутри ихъ служатъ они имъ вмѣсто постелей и на подсѣдельники.

Изъ шкурокъ ягнячьихъ (*) выдѣлываютъ Калмыки мерлушки, а изъ бараньихъ и овечьихъ ов-

(*) Ягнячьи шкурки, бараньи и овечьи выдѣлываютъ они точно такъ, какъ и Нагайцы.

чины, изъ которыхъ шьютъ довольно прочные и теплые тулупы. Закупщики ихъ рухляди Астраханскіе жители и прїѣзжіе изъ Великороссійскихъ Губерній обыватели, называемые «скотинщиками», потому что они покупаютъ у нихъ въ значительномъ количествѣ рогатую скотину.

Ее по справедливости нельзя назвать отличною; и хотя она, по тѣлосложенію, росту и красивости можетъ похвастаться лучшею, противу находящихся въ прочихъ губерніяхъ, но никогда не сравняется съ Холмогорскою. Съ падшей отъ болѣзни и съ убитой для своего продовольствія шкуры продаютъ они тѣмъ же купцамъ, а по большей части отвозятъ ихъ въ Астрахань къ тамошнимъ заводчикамъ. Эта продажа доставляетъ имъ средства закупать различныя въ томъ городѣ издѣлія и удовлетворять свои потребности.

Кочующіе въ Казенныхъ и Владѣльческихъ улусахъ Калмыки, обремененные большимъ семействомъ, и не имѣющіе въ значительномъ количествѣ рогатаго скота, овецъ и лошадей, которыхъ называютъ байгушами, получивши отъ Пристава на свободное прожитіе законные документы, уходятъ пѣшкомъ въ Астрахань и нанимаются въ годовые работники къ тамошнимъ рыбнымъ промышленникамъ, у которыхъ занимаются они въ веслахъ, починиваютъ весною старыя сѣти, вяжутъ новыя и дѣлаютъ приуготовленія на судахъ къ отплыту на Эмбу, для производства рыбной морской ловли.

Съ пріятностію можно посмотрѣть на трудолюбивыхъ, сильныхъ и крѣпкихъ Калмыковъ, которыхъ почитаютъ первыми въ мірѣ веселыми гребцами. Одинъ человекъ въ лодкѣ, помещающей 5, а иногда и семь пассажировъ, довольно съ значительною поклажею, подъ управленіемъ кормщика перегребаетъ въ сутки до 80-ти, а иногда до 90 верстъ. Никогда не увидите вы на рукахъ этого гребца мозолей и не услышите ропота его, въ отношеніи усталости. Цѣлое лѣто трудится онъ на хозяйскомъ корму за 40, а много какъ за 50 руб. мѣди. Его не устрашаютъ ни ревущія волны обширной Волги, ни грозныя бури свирѣпаго моря. Онъ готовъ переплывать ихъ до изнеможенія силъ и избѣгать при всякомъ случаѣ боязни, сильно потрясающей слабодушнаго пловца.

При вязкѣ сѣтей, дѣятельныя руки Калмыка въ два часа вывязываютъ до 3-хъ косовыхъ сажень. Собрать ихъ въ короткое время въ кучу и недопустить до запутанности, во время лова рыбы, есть дѣло расторопнаго вязальщика, искусствомъ своимъ превозвышающаго всѣхъ разновѣрцовъ, нанимающихся съ ними на ватагахъ, очугахъ, рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ обширнаго Каспійскаго моря.

Всѣ Астраханскіе промышленники съ величайшею охотою нанимаютъ Калмыковъ въ работу, ищутъ ихъ при недостаткѣ въ городѣ, а часто и посылаютъ за ними нарочитыхъ въ улусы. Озада-

чиваютъ деньгами, иногда не заключаютъ съ ними письменныхъ договоровъ; не сомнѣваясь въ ихъ общаніяхъ, свято чтимыхъ ими во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ имъ довѣріе въ собственности своей и предоставляютъ даже распоряжаться имъ, какъ прикащикамъ. Во всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ, они тщательны въ изысканіи выгоды, бережливы въ сохраненіи чуждой собственности и вѣрны въ отчетахъ.

Но выгоды, пріобрѣтаемыя ими отъ заработковъ въ сравненіи съ тѣми, которыя получаютъ отъ кочевой жизни слишкомъ малозначительны. Продажа рогатаго скота, овецъ, лошадей, верблюжей шерсти, различнаго рода невыдѣланныхъ шкуръ, мерлушекъ, овчинъ и тулуповъ составляетъ существенное цѣлой націи богатство. Многіе калмыки имѣютъ значительное состояніе, а нѣкоторыхъ считаютъ за милліонеровъ. Принявъ въ соображеніе, что Европейская роскошь имъ не извѣстна, и они не имѣютъ никакихъ прихотей, тѣсно соединенныхъ съ большими издержками, легко можно повѣрить, что капиталы ихъ ежегодно увеличиваются и они со временемъ сдѣлаются богачами, на равнѣ съ Европейскими.

Но не входя въ утонченное изслѣдованіе сокровенныхъ видовъ, считаю нужнымъ ознакомить моихъ читателей съ планировкой кибитокъ коче-

ваго народа, во время пребыванія ихъ на одномъ мѣстѣ, и образомъ движенія цѣлой массы, перекочевывающей на другое.

Главное мѣсто улуса называютъ калмыки орга, т. е. Владѣльческая ставка; при ней всегда находится Хуруль (монастырь) и базарь, гдѣ имѣютъ пребываніе Частный Приставъ и улусные судьи; въ казенныхъ же улусахъ ставка главнаго хурула называется куря.

Владѣльческія кибитки ставятся особо отъ прочихъ, на нѣсколько сажень и сверхъ отличной наружности, при дверяхъ каждой вырывается въ землю на длинномъ черенкѣ, остріемъ вверхъ, пика. Ночью покой Ноіона и его семейства охраняютъ посмѣнно караульные. Надъ кибиткою же Бурхани-орге, въ которой хранятся бурханы, развѣшаются на высокихъ шестахъ съ различными изображеніями два флага. Какъ ее имѣютъ обыкновеніе учреждать отдѣльно, то всегда ограждаютъ круглою цѣпью другихъ кибитокъ, замѣщаемыхъ Ламою, Гелюнгами и прочимъ духовенствомъ. Гораздо подалѣе отъ нея особая группа кибитокъ представляетъ базарь. Всѣ онѣ, для безопасности отъ похищенія товаровъ ставятся плотно одна къ другой и составляютъ отдѣльный кругъ съ дверями, обращенными во внутренность площадки, въ которую ведетъ нарочито оставленный въ одномъ мѣстѣ узенькій переулочъ. Въ этомъ базарѣ Армяне и татары производятъ различными товарами

мелочную, но весьма выгодную торговлю. Они изустно передаютъ свѣденія Калмыкамъ обо всѣхъ новостяхъ и тѣмъ самымъ приобрѣтаютъ привязанность народа, жаждущаго удовлетворить любопытство различными предметами, для разсѣянiя единообразной своей жизни.

Но она занята бываетъ дѣятельностію во время перекочеванiя ихъ. Какъ скоро пастбищныя мѣста, въ окрестностяхъ худука (колодца) истреблены скотомъ, овцами и табунами, въ то время Владѣлецъ даетъ приближеннымъ своимъ замѣтить, что нужно откочевать на другое мѣсто. Онъ, по волѣ своей посылаетъ нарочныхъ во всѣ кибитки извѣстить о намѣренiи своемъ. Предупрежденные Калмыки съ семействами каждое утро ожидаютъ сигнала, и какъ скоро увидятъ, что среди орги воткнута въ землю владѣльческая пика, въ нѣсколько минутъ успѣютъ разобрать кибитки, запечь воловъ въ арбы, покласть въ нихъ имущество и навьючить имъ верблюдовъ. Черезъ часъ огромный караванъ двигается съ мѣста и оставляетъ на землѣ, отъ сгорѣвшаго аргасуна одинъ пепель, какъ признакъ ихъ обитанiя.

Впереди всего каравана всадникъ везетъ владѣльческую пикку; за нимъ ѣдетъ семейство Ноіона, окруженное Зайсангами и служителями; близь ихъ въ особенномъ экипажѣ, называемомъ денгъ-тер-

гинь (*), въ сопровожденіи всего духовенства везутъ Ламу съ владѣльческими дѣтьми; вслѣдъ за ними гордо выступаютъ бѣлые верблюды, съ уложенными въ ящикахъ бурханами. На таковыхъ же животныхъ дѣти прочихъ Калмыковъ, посаженные въ мѣшки и коробки, высунувъ изъ нихъ головки качаются по бокамъ ихъ, а старики и старухи сидятъ на самомъ верху между व्यюковъ. Юноши же, мужчины, женщины и дѣвицы, нарядившись въ праздничныя платья, верхами на лучшихъ бѣгунахъ затѣютъ скачку и стараются другъ предъ другомъ похвалиться быстротою коней, ловкостію наѣздничества и самою перебежкой до того мѣста, гдѣ долженъ остановиться караванъ ихъ. По сторонамъ котораго, на пространствахъ 5-ти или 6-ти верстъ тянутся стада, а кавалкады охотниковъ съ гончими собаками ловятъ зайцевъ, спускаютъ на нихъ ученыхъ ястребовъ или балабановъ. Въ это время не рѣдко случается, что амуръ стрѣлами своими жестоко поражаетъ кочующія сердца, или ловить ихъ украдкою въ плѣнъ свой.

Равнымъ образомъ, подвиженію главной ставки имѣютъ направленія свои всѣ хотоны и цѣлой улусъ, которые останавливаясь при худукахъ (ко-

(*) Этотъ Экипажъ состоитъ изъ арбы, къ оглоблямъ которой, между заложенымъ воломъ и колесами, привѣшивается на четырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлаками.

лодцахъ), (*) никогда въ продолженіе весны, лѣта и осени не кочуютъ на однихъ мѣстахъ болѣе недѣли. Одна зима побуждаетъ ихъ имѣть постоянное кочевье и заставляеть отъ Ноября мѣсяца до первыхъ чиселъ Февраля вести жизнь безпечную.

Образъ домашней жизни простаго народа сначала покажется похожимъ на прочихъ кочевыхъ обитателей, но когда станешь вникать во всѣ подробности, то нечувствительно увидишь непримѣтную для другихъ разницу. Нагаецъ по религіи своей, не обмывъ всѣхъ членовъ тѣла, исключая спины, и не прочитавъ молитвъ никогда не сядетъ за яству; напровивъ того Калмыки, слѣдуя инстинкту утоляютъ *свой* голодъ и жажду, по мѣрѣ потребности своего желудка; никогда, подобно магометанамъ, не наблюдаютъ они чистоты въ своихъ кибиткахъ, а женщины и дѣвицы такъ небрежны, въ отношеніи своей посуды, что не только утонченный въ свѣтскомъ общежитіи Европѣецъ, но даже простолюдинъ съ отвращеніемъ станетъ смотрѣть на ихъ приуготовленія къ обѣду или ужину. Часто при личности самаго Пристава принималъ я на себя обязанность повара и кухарки. Что бы приуготовить вкусную пищу, вымывалъ горячею водою казанчикъ (котликъ), деревянную

(*) Весною караванъ проходитъ въ одинъ день отъ 15-ти до 20 верстъ, лѣтомъ въ жары отъ 10 до 15, а осенью отъ 25 и до 40, и послѣ каждаго перехода, для отдыха останавливается на короткое время.

чашку, для промыванія говядины, а чаще всего баранины; имѣлъ всегда въ запасѣ, какъ старообрядецъ свою деревянную ложку, полотенцо, ножикъ, вилку и никогда не докучалъ добродушнымъ хозяевамъ о сервизѣ, которой состоитъ у нихъ изъ чугунаго котла, большаго деревяннаго половника, маленькихъ деревянныхъ чашечекъ и коническихъ кружекъ, называемыхъ домбами. Калмыцкій чай, вареная баранина съ шербою, безъ хлѣба, соли и приправъ составляютъ жизненное для Калмыковъ продовольствіе. Любопытно было видѣть ихъ семейную трапезу. Утромъ, по обыкновенію своему женщины варятъ этотъ чай. Многіе Европейцы, не бывъ въ томъ краю, безъ сомнѣнія, не знаютъ приготовленія его, вкуса и даже самаго растенія. Оно, по увѣренію бывшихъ въ Китаѣ Студентовъ при Миссіи находившихся, есть листы употребляемаго нами цвѣта. Эти самые листы, не ошипывая стебеля кладутъ Китайцы въ тиски и составляютъ изъ нихъ длиною въ двѣ четверти, а шириною въ одну, доски, столь отъ засухи и пресса твердыя что надобно крошить ихъ острымъ ножомъ и съ большимъ напряженіемъ. Та доска, которая требуетъ этого усилія почитается лучшею. Сперва Калмычка поставивъ на таганъ большой чугунной котелъ, изъ котораго можно накормить кушаньемъ до 50-ти Европейцевъ скипитить въ немъ воду, потомъ Калмыкъ или жена его накрошить съ доски чаю, не болѣе 5-ти

лотовъ. Эту препорцію всыпать они въ котелъ и черная половникомъ жидкость вмѣстѣ съ разварившеюся травою переливаютъ ее безпрестанно, короче сказать : въ продолженіе двухъ часовъ взмѣшиваютъ ее частымъ отъемомъ и приливомъ. Большое надобно имѣть терпѣніе, что бы дожидаться этого чаю, которой медлительная хозяйка процѣживаетъ чрезъ ситечко въ другой котелъ, и переливъ изъ него въ прежній направляетъ на огнѣ сливками, а чаще всего густымъ молокомъ и масломъ и потомъ взмѣшиваетъ половникомъ болѣе часа. Напослѣдокъ разливаетъ въ чашечки и подаетъ всей семьѣ и посѣтителямъ. Не необходимость пользоваться ихъ гостепріимствомъ, но страсть узнать обыкновенія каждаго народа и испытать его вкусъ, было причиною благосклоннаго моего пріема, которой Калмыки по невѣденію своему считали за чистосердечное къ нимъ расположеніе. Бывъ въ аулѣ у моего кунака, я было привыкъ къ калмыцкому чаю, потому что чистоплотность въ приготовленіи его не поселяла во мнѣ отвращеніе, но въ кибиткѣ у Калмыка, котораго семейство въ сальную, пыльную и даже закоптившуюся отъ дыма посуду наливаетъ свѣжій чай, я съ большимъ принужденіемъ долженъ былъ выпить одну чашечку, которая чрезъ 5-ть минутъ послужила мнѣ вмѣсто рвотнаго. Отъ ихъ куманья и поила такъ очистило мой желудокъ, что никакой медикъ, помощію микстуръ не довелъ бы его

до такого положенія. Напротивъ того кочевый народъ отъ того чая дѣлается довольно тучный, здоровый и даже сильный.

Кибитка у Калмыка замѣняетъ кухню, спальню, залу, пріемную и кабинетъ. При входѣ въ нее постлана кошомка для обтирки ногъ; баранина, говядина и масло въ пузыряхъ висятъ на веревкахъ, привязанныхъ къ клѣткамъ; посреди каждой кибитки стоитъ таганъ, а подъ нимъ горящій аргасунъ, во кругъ котораго сидятъ калмыки съ женами, дѣтьми и курятъ простой табакъ; по обѣимъ сторонамъ ея напротивъ дверцовъ лежатъ ихъ имуществы: подушки, лучшія кошмы, тулупы, а у богатыхъ и кованыя сундучки. Изготовивъ барана, вѣсомъ въ четыре пуда, семейство изъ 5-ти, 6-ти или 7-ми человѣкъ начинаетъ обѣдать слѣдующимъ образомъ:

Вынувъ изъ котла сварившуюся баранину положутъ ее въ большую деревянную чашу, потомъ разрѣжутъ на части и отдѣливъ мясо отъ костей, искрошутъ его на подобіе лапши; старшій возьметъ большую часть въ особую чашку, а меньшую раздѣливъ прочимъ начинаетъ кушать свою порцію безъ ложки и вилки рукою, захвативъ въ ладонь по болѣе 5-ти столовыхъ ложекъ и такъ скоро, что фунтовъ 15-ть съѣдаетъ не болѣе въ 10-ть минутъ. Не мало удивлялся я необыкновенному апетиту калмыковъ, и когда приставъ замѣтилъ, что пристрастіе ихъ къ-ѣдѣ или лучше ска-

затѣ жадность занимають меня, ѣхавъ со мною на пути въ улусъ сказалъ мнѣ улыбаясь: «Я скоро покажу вамъ такого ѣдока, которой удивилъ бы цѣлую Европу.»

Въ скоромъ времени, онъ оправдалъ себя въ своемъ обѣщаніи. По приказанію его переводчикъ пригласилъ къ столу Калмыцкому довольно толстаго, средняго роста, но широко-плечаго Азіята, расположившагося показать намъ свое искусство вдоволь покушать. Ему былъ поданъ хозяиномъ кибитки небольшой барашекъ, котораго вареное мясо свѣсили мы напередъ на безмѣнѣ, взятомъ нами на этотъ случай у купца, торгующаго въ улусѣ разными товарами. Это мясо вытянуло не болѣе 30 фунтовъ. Вѣжливый калмыкъ, посмотрѣвъ на насъ съ протосердечною улыбкою придвинулъ къ себѣ чашу, искрошилъ мясо на подобіе лапши, и въ четверть часа, нимало не останавливаясь всею пятернею, безъ ложки, соли и хлѣба съ самодовольствіемъ скушалъ всю ту баранину; потомъ выкурилъ въ продолженіе часа трубки три табаку и спокойно отправился спать въ кибитку къ своей любезной супругѣ. Правду сказать, что этотъ человѣкъ удивилъ бы Европейцевъ, а въ особенности воздержныхъ и деликатныхъ французовъ, которые безъ сомнѣнія, почли бы его за медвѣдя, а не за человѣка.

Деликатностію своею могутъ похвалиться только Владѣльцы, у которыхъ кушанье готовятъ

въ особыхъ кибиткахъ довольно вкусное и чай ихъ можно пить безъ отвращенія. Внутренность ихъ шатровъ обтягивается шелковою матеріею, за которою не примѣтны рѣшетки, палки и кошмы, постели учреждаются обыкновенно противъ дверей, покрыты одѣялами, а для прикрасы обставлены въ видѣ балдахина богатыми пологами; по обѣимъ же сторонамъ наставлены сундуки и прикрыты коврами; среди коихъ, на лѣвой отъ входа въ рѣзныхъ и раскрашенныхъ кумирняхъ красуются бурханы. Землю устилаютъ иные кошмами, а другіе коврами. Прочія же мѣста кибитки обвѣшиваютъ богатыми сѣдлами, горскими ружьями, пистолетами, кинжалами и даже шашками; но не смотря на блестящій по ихъ обыкновенію уборъ, посреди этого шатра всегда курится аргасунъ для раскуриванія трубокъ. Нѣкоторые Зайсанги подражаютъ домашнему быту владѣльцевъ, но большую часть ихъ нельзя различить отъ простолюдиновъ. —

Занимательнѣе же всего характеръ Калмыковъ. Разсматривая поступки и соотношенія съ единовѣрцами и разновѣрцами можно было замѣтить сперваго раза въ разговорахъ ихъ хладнокровіе; но въ этомъ положеніи находятся они до того времени, пока не оскорбляютъ ихъ чести, не простираютъ корыстолюбивыхъ видовъ на собственность и свято чтутъ данныя имъ обѣщанія. Оскорбившій калмыка непристойными словами человѣкъ въ пер-

вомъ пылу гнѣва подвергнетъ себя неизбѣжному мщенію. Онъ не посмотритъ ни какое лице, угрозы и поразить своего противника смертоноснымъ орудіемъ или избьетъ толстою плетью. Обнаруживъ по торговлѣ обманъ покупателя или продавца, никогда уже послѣ того не вступить съ нимъ ни въ какія связи. Впредосторожность отъ лжи, сильно раздражающей ихъ, они со всеми покупателями рогатаго скота заключаютъ на основаніи нашихъ законовъ условія; но тѣмъ, которые выплачиваютъ въ срокъ деньги отпускаютъ его въ долгъ на значительную сумму и ждутъ заплаты ея лѣтъ по десяти. Въ семейной жизни довольно обходительны, нѣсколько суровы, но снисходительны; вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы на всякую услугу. Разсчетливы въ покупкѣ товара, свѣдуши въ добротѣ и даже цѣнности его. Медлительны при начатіи дѣла и рѣшительны въ бою. Въ 1812-мъ году, на манеръ линейныхъ козаковъ, они отличались противу общаго врага Европы и воинскими доблестями приобрѣли Монаршую милость. Вообще хорошіе наѣзтники, сильны въ борьбѣ и искусны въ кулашномъ бою. Въ походѣ, съ терпѣніемъ переносятъ воинскія трудности и менѣе требуютъ сѣстныхъ припасовъ. Калмыкъ доволенъ и сырою говядиною, пропарившеюся подъ сѣдломъ; ѣстъ её съ апетитомъ, и нескучаетъ о провіантѣ, какъ будто излишнемъ для него припасѣ. Всегда сыщеть на полѣ овцу, быка, корову, лошадь, предастъ ее въ

жертву, раздѣлить по частямъ съ товарищами и довольствуется вѣрнымъ запасомъ на цѣлую недѣлю.

Изъ характера народнаго можно видѣть воспитаніе его. Калмыки не имѣютъ Европейскаго гражданскаго образованія, но нельзя назвать ихъ дикимъ или полудикимъ народомъ. Образъ ихъ мыслей, исключая вѣроисповѣданія правильный и даже назидательный для другихъ. Ихъ первое правило: »Чего не желаешь себѣ, того не дѣлай другому» есть истинное религіозное чувство христіанина; люби ближнихъ, помогай имъ сообразно силамъ своимъ и состоянію, почитай старшихъ, уважай родителей, чти ихъ власть выше всякой, за что ближніе будутъ любить, враги трепетать, есть основная нравственность идолопоклонниковъ. Всѣ соотношенія ихъ, по взаимнымъ связямъ съ сосѣдственными народами исполняются на сихъ прочныхъ правилахъ, подтверждающихъ ихъ образованіе. Многіе изъ нихъ довольно хорошо говорятъ по Русски, а нѣкоторые и пишутъ; изъ владѣльцевъ же и Зайсанговъ, кромѣ Князей тюменевыхъ, ни одинъ не только не пишетъ, но даже и не объясняется на нашемъ языкѣ. Для дѣтей не имѣютъ ни школъ, ни книгъ, но передаютъ имъ изустно наставленія, заимствованныя ими отъ предковъ. Съ развитіемъ умственныхъ способностей, эти дѣти твердо укореняются въ занятіяхъ, сообразныхъ кочевой ихъ жизни. Мальчикъ,

съ 7-ми лѣтъ, здоровой по тѣлосложенію и твердости духа привыкаетъ ѣздить верхомъ, девяти становится способнымъ смотрѣть за табуномъ, скотиною, овцами; двѣнадцати свободно ловить на арканъ лошадей, приводить ее на немъ въ улусъ и даже, въ случаѣ нужды объѣзжаетъ на сѣдлѣ; въ кибиткѣ валяется съ старшими кошмы, сукно, выдѣлываетъ мерлушки, овчины, умѣетъ шить тулупы, шапочки, коженые шаравары и даже различную обувь.

Дѣвицы, съ дѣтства приучаются матерьями ко всякой работѣ. Шить національное платье изъ покупаемыхъ у лавошниковъ издѣлій и выдѣланныхъ ими овчинъ и мерлушекъ; приготавливать сливочное масло, ухаживать за скотиною и исправлять всѣ потребности, относящіяся до жизненнаго продовольствія. По ихъ образу жизни онѣ дѣлаются хорошими хозяйками. Натурально, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о наукахъ, судятъ о предметахъ, соотвѣтственно кочевой жизни, но основательно и столь благоразумно, что никакой критикъ не въ состояніи опровергнуть ихъ справедливаго мнѣнія.

Въ увеселеніяхъ ихъ нѣтъ ничего забавнаго, привлекательнаго, какъ у Европейцевъ, и пляски Калмыцкія не только занимательны, но даже утомительны. Онѣ не имѣютъ ни живости, ни плѣнительной граціи, очаровывающей взоры; и когда начнешь со вниманіемъ разсматривать, какъ они

стараяются изгибать руки по кадансу бубна, преклонять колѣна, выгибать ноги и оказывать искусство пантомимами, то невольнымъ образомъ пожалѣешь о плясунахъ, изнурявшихъ свои члены изъ одного мнимаго удовольствія.

Этотъ недостатокъ замѣняютъ Калмыки на скачкахъ, во время ихъ праздниковъ. Они, по обыкновенію своему съѣзжаются на ровное поле на отличныхъ бѣгунахъ; два наѣздника, при свидѣтеляхъ, жаждущихъ на всемъ скаку видѣть искусство въ побѣдѣ одинъ надъ другимъ дадутъ за руки посредникамъ закладъ въ 50, во 100 и даже въ 200 рублей ассигнаціями. Предупреди своихъ товарищей, что стащившій съ лошади остается побѣдителемъ, соперники, на подобіе пущенной изъ лука стрѣлы, приударивъ скакуновъ, пустятся версты на полторы во весь опоръ, и не доскакавъ до назначеннаго мѣста на скаку одинъ другаго стаскиваетъ съ лошади, или сбрасываетъ на землю, или пересаживаетъ на свою лошадь; другіе на скаку же подхватываютъ мелкую серебряную монету, четвертакъ, гривенникъ и даже пятакъ; выполняютъ условія съ отчетливостію и никогда не дѣлаютъ проигрыша, на счетъ своего искусства, опытностію пріобрѣтеннаго; имъ должно отдать справедливость, что они отличные наѣздники и готовы заложить все свое имѣніе, если кто либо подхватитъ его на арканъ.

Многіе дѣлають попытки, но ни одному надъ другимъ не удастся одержать побѣды. Ловкость не допустить до себя близко, закинуть голову за гриву лошади, оборотится на бокъ, или подъ пузо ея, ухватиться руками за стремяна, придерживаясь ногами за арчакъ и ускакать отъ своего противника, есть столь быстро преходяща, что каждой зритель не только удивится, но даже не повѣритъ глазамъ своимъ, и сочтетъ эти сцены за метеоръ или волшебныя явленія, сопровождаемыя адскою силою.

Но гостепріимствомъ Калмыки, не могутъ похвалиться предъ Нагайцами. Безспорно, что они путешественника въ первый разъ поподчиваютъ, оставляютъ погостить, но только такого, отъ котораго надѣются пріобрѣсть какую нибудь выгоду, короче сказать: соразмѣряютъ виды свои, подобно Европейцамъ, и по недовѣрчивости къ нимъ строго осмотрительны. Вникаютъ въ каждую малость и не оставляютъ безъ вниманія узнать біографію посѣтившаго ихъ лица. Эти утомительные вопросы часто наводили мнѣ скуку, но не служили въ тягость изъ уваженія моего къ ихъ Приставу, сопутствовавшему мнѣ по всѣмъ мѣстамъ, занимаемымъ этимъ народомъ. Его присутствіе со мною останавливало Калмыковъ отъ излишняго любопытства и обнаружило ихъ скрытность, употребляемую, противу Европейцевъ. Вотъ тому доказательство.

Въ одномъ улусѣ дѣлали приготовленіе къ свадьбѣ; приглашаютъ пристава и совѣтуются съ нимъ можно ли допустить меня быть свидѣтелемъ ихъ новобрачнаго празднества. Чистосердечно расположенный ко мнѣ Начальникъ ихъ объяснилъ имъ, что я короткій его пріятель, довольно знакомъ съ главнымъ ихъ Приставомъ, пользуюсь его уваженіемъ и извѣстенъ многимъ особамъ, служащимъ въ Иностранной Коллегіи. Эта рекомендація открыла мнѣ путь бесѣдовать съ протекторомъ въ кибиткѣ, при большомъ собраніи мужскаго и женскаго пола, Гелюнговъ, старшинъ и видѣть ихъ свадебныя пирушки, странныя, но для наблюдателя занимательныя и веселыя по разнообразію пріемовъ; что всякой Европѣецъ отъ души посмѣется и пожелаетъ, что бы такія сцены почаще являлись и въ столицахъ для забавы всѣхъ классовъ людей.

Сватовство у Калмыковъ не въ употребленіи. Дѣвицы, посѣщающіе кибитку для отправленія Богослуженія, имѣютъ случай знакомиться съ юношами. Въ продолженіе года, а иногда двухъ, когда любовныя связи укрѣпляютъ союзъ въ пламенѣющихъ другъ къ другу сердцахъ, въ то время предавшіеся страсти объясняютъ намѣренія свои родителямъ. Съ ихъ согласія вступаютъ невѣста и женихъ въ законной бракъ. (*)

(*) Часто случается, что смѣтливые женихи увозятъ не-

До начатія его, отцы и матери переговаряють между собою, безъ свидѣтелей, и заключать словесной договоръ, сколько должна неvěста принести за собою приданого жениху. Изслѣдуютъ напередъ какими способами и средствами мужъ будетъ пропитывать жену свою и будущихъ дѣтей; достаточны ли онѣ, и не требуютъ ли поддержки Со стороны родителей? Они съ утонченною разборчивостію вникнуть въ взаимныя склонности ихъ и дознавъ чистосердечное другъ къ другу расположеніе приступаютъ къ заключенію брака.

Присутствующими его въ назначенный день, въ обширной кибиткѣ, вмѣщающей до 50-ти человекъ бывають Гелюнги, старшины, родственники съ обоихъ сторонъ и почетные изъ того улуса старики. По обыкновенію ихъ неvěста и женихъ, садятся между двухъ Гелюнговъ, предъ которыми на кошмѣ поставятъ почитаемыя вступающихъ въ бракъ божества (статуйчики), смотреть на нихъ

вѣсть тайкомъ на отличныхъ бегунахъ въ улусы и совершаютъ въ нихъ браки чрезъ Гелюнговъ. Это похищеніе ни родителями, ни родственниками и даже сторонними людьми не почитается за предосудительность; но напротивъ того всѣхъ похитителей называютъ они удалцами, сообщаясь съ ними, воздаютъ имъ похвалу и за таковыя подвиги дѣлаются дружелюбными ихъ семьянинами; если же при похищеніи, отецъ неvěсты или родственники ея догонятъ ихъ на пути и успеютъ отбить у жениха неvěсту, то его изобьютъ нагайками, какъ недостойнаго владѣть ею, а дѣвицу увезутъ къ себѣ.

съ благоговѣніемъ и умильными взорами и спрашиваютъ милости. Вмѣстѣ съ ними расста- вять своихъ божковъ духовные отцы и въ глу- бокомъ молчаніи взирая на нихъ, какъ на святы- ню испускаютъ тяжелые вздохи; сидя наклоняютъ безпрестанно надъ ними головы, пошевеливаютъ губами и этимъ шептомъ умоляютъ ихъ о ниспо- сланіи счастливой супружеской жизни на ново- брачныхъ. Спустя четверть часа, въ одно мгно- вѣніе схватятъ своихъ милостивыхъ божковъ, по- прячутъ ихъ въ карманы и пазухи. На послѣдокъ мать невѣсты начнетъ разносить въ чашечкахъ сперва Гелюнгама, а потомъ посѣтителемъ Кал- мыцкій чай и жареные въ маслѣ изъ прѣснаго теста катышки, вмѣсто нашихъ кренделей или сухарей.

Напившись чаю, хозяйка каждому лицу пода- етъ вареную въ чашкѣ баранину. Гелюнги, гости и новобрачные берутъ изъ нея по частямъ, и ка- ждая изъ нихъ равняется не менѣе 5-ти фунтамъ. Это кушанье матери невѣсты придется разносить цѣлый часъ; и когда она занимается угощеніемъ, въ то время, каждый гость крошитъ эту барани- ну, на подобіе лапши, и не дожидаясь прочихъ посѣтителей, всею пятернею, безъ ложки, хлѣба и соли кушаетъ свою порцію, и такъ скоро, что въ 10-ть минутъ у каждаго изъ нихъ чашка ста- новится по прежнему порожнею.

Не успѣють покушать этой яствы, Калмычка разноситъ гостямъ въ чашечкахъ щербу (супъ бараний, только безъ крупъ и приправы), которою запиваютъ они медленно съѣденное напередъ, и съ такимъ самодовольствіемъ, что при всей расторопности хозяйка не успѣваетъ подавать имъ любимой ими буліонъ (буданъ), не имѣющій для насъ никакого вкуса и даже противный.

Отпивъ его, съ часъ посидятъ они молча, для успокоенія своего желудка; потомъ Гелюнги заведутъ какой нибудь любопытный разговоръ и съ такою тихостію, что за кибиткою не слышно даже ихъ голоса и нельзя повѣрить, есть ли въ ней хотя одинъ человѣкъ. Но скромная эта беседа продолжается не долго. Вдругъ нарушаютъ ее приходящіе дѣвы съ бубнами, которые заводятъ пляску и бѣганіемъ своимъ во кругъ посѣтителей и новобрачныхъ такой подымутъ шумъ, что сдѣлаются въ тягость и терпѣливому человѣку, привыкшему смотрѣть съ равнодушіемъ на такія празднества.

Но эта свадебная пирушка не оканчивается еще пляскою. Дѣвы, переставъ играть въ бубны отъ усталости выйдутъ прохладиться на свѣжій воздухъ. Въмѣсто ихъ приходятъ на смѣну другія. Принимаются за пляску и не удовольствовавшись ею, начнутъ стучать въ большіе барабаны и такъ громко, что непременно нужно заткнуть уши. Потомъ вытащутъ изъ кибитки всѣ инструменты;

двѣ изъ нихъ поведутъ жениха и невѣсту въ особую маленькую кибитку, приготовленную на подобіе спальни въ азіатскомъ вкусѣ и предоставятъ новобрачнымъ покой, что бы оживотворить свои чувства и насладиться взаимнымъ удовольствіемъ.

Между тѣмъ собраніе посѣтителей и съ Гелюнами бесѣдуютъ за кумысомъ, а иногда за простою горѣлкою, къ которой они такъ пристрастны, что каждый изъ нихъ въ состояніи выпить въ продолженіи ночи по цѣлому ведру. Во время этой попойки курятъ безпрестанно трубки, и сдѣлавшись хмѣльными, вмѣсто внятнаго разговора, бормочутъ другъ съ другомъ, то приподнимая то закрывая глаза отъ усыпительной дремоты. Въ это время, по обыкновенію ихъ входятъ въ кибитку борцы, кулашники и силачи, показывающіе силу тягаться на палкахъ. Посреди гостей въ кругѣ сидящихъ, принимаются охотнички за свою потѣху. Въ одно время, двое борются, двое тянутся на палкѣ, а двое бьются въ кулачки, зрители дремлютъ, а побѣдители съ побѣжденными попьютъ всю горѣлку и напоследокъ Гелюнговъ, стариковъ поднимутъ на плеча и отнесутъ въ ихъ кибитки.

Утромъ соберется большая толпа около шатра новобрачныхъ. Гелюнги, манжи и родители жениха и невѣсты войдутъ къ молодымъ, поздравятъ ихъ съ новосѣльемъ, и въ сопровожденіи двѣхъ и

цѣлаго улуса Калмыковъ, калмычекъ, юношей и ребятишекъ, поведутъ ихъ съ поздравленіемъ по всеѣмъ кибиткамъ, въ которыхъ новобрачныхъ дарятъ разными гостинцами, и по большей части ягнятами, барашками, овечками, телушками, бычками и жеребятами. Блудщій за ними на одноконной арбѣ калмыкъ принимаетъ съ каждой кибитки маленькихъ животныхъ и перевозить ихъ къ кибиткѣ молодыхъ; которые по возвращеніи приглашаютъ гостей и пируютъ такимъ образомъ цѣлую недѣлю.

Не спавши цѣлую ночь съ Приставомъ мы въ отведенной ему кибиткѣ заснули уже на разсвѣтѣ дня и проспали спокойно до 11-го часа; на другой день представилъ намъ случай побывать въ Ламайскомъ храмѣ, основанномъ Княземъ Тюменевымъ.

Онъ выстроенъ на подобіе дворца, съ длиннымъ портикомъ, поддерживаемомъ колоннами; но судя по китайскимъ башенкамъ, фестонамъ, полумѣсяцамъ и золотымъ шарамъ, на немъ находящимся, онъ представляетъ видъ Индійскаго пагода. При входѣ въ храмъ, внутреннее расположеніе его состоитъ изъ одного главнаго олтаря и двухъ боковыхъ придѣловъ, какіе обыкновенно существуютъ въ западныхъ церквахъ. Стѣны и потолокъ выкрашены голубою краскою, а на сводѣ каждой аркады написана радуга. Ихъ священные изображенія совершенно похожи на ки-

тайскіе шторы, которые окружены разноцвѣтными платками и драпируютъ стѣны главнаго храма; въ углубленіи коего святилище отдѣлено позолоченными арками и колоннами. Въ немъ поставленъ на возвышенномъ мѣстѣ раззолоченный истуканъ Ламы, въ золотой шапкѣ и широкомъ платьѣ, обложенномъ золотымъ же газомъ. Позади его, другой истуканъ, въ подобномъ украшеніи, по мнѣнію идолопоклонниковъ есть какой то сильной божокъ; внизу предъ ними придѣланъ столъ, на которомъ поставлена чаша съ четырьмя ручками и нѣсколько маленькихъ чашечекъ, насыпанныхъ зерновымъ хлѣбомъ и сухими маргаритками. Предъ самымъ святилищемъ на доскѣ разставлены такія же приношенія и дары, а между ими стоитъ серебряная ваза, налитая водою, въ которую опущенъ вѣничекъ изъ павлиньихъ перьевъ, для опрыскиванія имъ всѣхъ прихожанъ, поклоняющихся Ламѣ; въ честь же и другимъ Божествамъ каждой боковой храмъ имѣетъ подобныя приуготовленія.

Въ назначенный день, для службы Лама въ денгъ-таргинѣ, окруженномъ Гелюнгами и Мапжами, сидящими на верховыхъ лошадяхъ выѣзжаетъ въ храмъ. въ сопровожденіе многочисленнаго народа; передовые предупредивъ пріѣздъ за нѣсколько сажень, въ одно мгновеніе слѣзши съ коней съ почтеніемъ подбѣгаютъ къ экипажу и вводятъ его въ пагодъ, устланной кошмамя и коврами; въ кото-

ромъ сажаютъ на подушку и стремглавъ бросаются къ ногамъ, а иные прикасаются къ поламъ его платья. Такую же почесть оказываютъ Гелюнгамъ, которые склавъ ноги сядутъ по обѣимъ сторонамъ перво-священника, начнутъ реветъ въ трубы и ударять въ цимбалы. Въ это время богомольцы съ умиленіемъ обратятъ взоры на истукана (Ламу) и ожидаютъ драгоценной для нихъ минуты, въ которую пастыри ихъ позволятъ имъ подходить къ нему для поклоненія. По прошествіи двухъ часовъ, когда духовные отцы окончатъ свое Богослуженіе, посредствомъ кюрдей и инструментовъ производимое, тогда вставъ съ мѣстъ сдѣлаютъ привѣтствіе главному жрецу и взявъ его подъ руки подведутъ къ вызолоченному истукану. Живой Лама припадаетъ къ подножію его, у котораго постоявъ нѣсколько минутъ и прочитавъ шептомъ молитвы возвращается на прежнее мѣсто. Между тѣмъ Гелюнги по очереди опрыскиваютъ водою святыню и подходящихъ къ нимъ богомольцевъ; внушаютъ имъ, чтобы они выходили изъ храма и дожидались у входа шествія Первосвященника; сами же приподнявъ его на ноги ведутъ къ дверямъ, у которыхъ толпа почитателей подхватываетъ его подъ руки, сажаютъ въ денгъ-тергинъ и везетъ въ хурулъ въ сопровожденіи легкоконныхъ наѣздниковъ и цѣлаго духовенства.

Посмотрѣвъ издали на эту процессію, я отправился съ Приставомъ въ улусъ и желалъ узнать

отъ него, какъ празднуютъ Калмыки день рожденія своего или именины, но онъ съ улыбкою отвѣчалъ мнѣ: что эта нація не соблюдаетъ обыкновеній, похожихъ на Европейскія; они имѣютъ имена но не воздаютъ имъ никакихъ почестей, а иные даже не помнятъ, котораго года, мѣсяца и числа произведены на свѣтъ. Младенцевъ обоого пола матери не пеленаютъ, качаютъ въ люлкахъ, стоящихъ на землѣ и не прививали имъ оспы до того времени, пока Россійское правительство не ввело въ употребленіе эти операціи. И дѣйствительно, по замѣчанію моему, я не видалъ ни Калмыка, ни калмычку ни дѣтей ихъ обоого пола рябоватыхъ.

Разговоръ нашъ прервалъ вошедшій въ кибитку Калмыкъ, которой подалъ Приставу отъ переводчика записку. Прочитавъ ее, онъ сказалъ мнѣ: не угодно ли вамъ посмотрѣть похороны Калмыцкіе? я съ радостію принялъ это лесное для меня предложеніе и отправился съ провожатымъ въ другой улусъ, отстоящій отъ занимаемаго нами не болѣе четырехъ верстъ.

Недоѣхавъ нѣсколько сажень, увидѣли мы покойника, котораго Калмыки везли на арбѣ къ могиламъ, въ 3-хъ верстахъ на обширномъ и высокоомъ курганѣ находящимся. Умершій былъ одѣтъ въ то самое платье, въ которое онъ одѣвался при жизни своей, т. е. въ нагольномъ тулупѣ, безъ рубашки, въ овчинныхъ шараварахъ, красныхъ сапогахъ и въ маленькой суконной блѣдно-желтаго

цвѣта шапочкѣ, опушенной мерлушкою. Руки (*) его находились въ томъ положеніи, въ какомъ онъ умеръ, потому что калмыки не имѣютъ обыкновенія складывать ихъ крестообразно, а предоставляютъ покарять члены тѣла естественной силѣ, хотя бы умирающаго скорчило въ дугу; привезши покойника на курганъ, опустили они его въ узкую и тѣсную могилку, вырытую въ ростъ человѣка и поставили стоймя, засыпали его слегка землею по шею, а голову оставили наружу для того, что если покойникъ чрезъ нѣсколько дней очнется, то имѣлъ бы онъ возможность выползти изъ своего тѣснаго жилища и возвратится къ роднымъ. Примѣры эти были у нихъ не рѣдки, и для того то они принимаютъ мѣры къ освобожденію обмертвѣлыхъ Летарговъ. Впрочемъ совершенно умершіе остаются въ этомъ положеніи болѣе двухъ недѣль; по истеченіи коихъ, засыпаютъ они ихъ землею, что бы трупы не могли послужить на сѣденье. Волкамъ или хищнымъ птицамъ.

Узнавъ странный обрядъ Калмыковъ и подивившись ихъ необдуманной предусмотрительности, возвратился я съ провожатымъ къ Приставу, а на другой день поблагодаривъ его за гостепріимство доѣхалъ благополучно до Джуруковской почтовой станціи, въ которой привелъ въ систематическій порядокъ всѣ замѣчанія мои о Калмыцкомъ народѣ.

(*) одна изъ нихъ держалась за голову, а другая за животъ.

Относительно костюма ихъ, можно сказать, что онъ во многомъ похожъ на Азіятской; но съ нѣкоторою разницею въ покроѣ. Они носятъ бешметы подобно Нагайскимъ а сверху ихъ полукафтаны длиною за колѣна и съ про рѣзанными рукавами; въ лѣтнее время изъ лучшей нанки, а въ зимнее изъ валенаго ими сукна. Иные во все время года ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, коженыхъ шараварахъ и сафьяннхъ желтаго или краснаго цвѣта сапогахъ, съ желѣзными подковками, которыя служатъ имъ вмѣсто шноръ для понужденія или удержанія лошади. Голову брѣютъ, начиная со лба до половины; задними же волосами, заплетенными въ косы прикрываютъ бритое мѣсто; оставляютъ усы и подстригиваютъ бороды такъ искусно, что всякой подумаетъ, что они брѣются подобно Европейцамъ. Въ продолженіе цѣлаго года носятъ плоскія шапочки, сшитыя изъ блѣдножелтаго сукна и опушенныя порешиною или лошадиною мягкою кожею, шерстью вверхъ.

Одежда женская не имѣетъ никакого различія отъ мужской, исключая только то, что калмычки для красоты заплетаютъ косы, которыя отращиваютъ почти до поясицы.

Лама ихъ носить изъ шелковой матеріи длинный халатъ голубаго цвѣта, парчевый бешметъ, желтые сафьянные сапоги и такого же цвѣта шапку, обшитую золотымъ газомъ; сидя въ кибиткѣ при собраніи Духовенства, онъ перебираетъ безъ

престанно пальцами четка и часто съ Гемонгами занимается истолкованіемъ бурхановъ. —

Всѣ Гелюнги ходятъ въ длинныхъ краснаго цвѣта халатахъ, надѣтыхъ сверхъ бешметей изъ лучшей матеріи; но прочее одѣяніе ихъ и обувь похожи на простолюдиновъ.

Обращая вниманіе на тѣлосложеніе Калмыковъ можно утвердительно сказать, что они всѣ вообще широкоплечи, полнокровны и могутъ похвалиться здоровьемъ своимъ противу прочихъ народовъ, исключая киргизцевъ; черты лица ихъ одинаковы (*) и не показываютъ никакого различія въ характеристикѣ; не смотря на сладострастіе женщинъ и любовныя связи съ разноплеменными людьми дѣти ихъ обоихъ половъ всегда носятъ отпечатокъ лица матери или отца.

Языкъ ихъ по произношенію столь грубъ, что каждой иностранецъ съ трудомъ можетъ произносить каждое ихъ слово. Онъ не имѣетъ сходства ни въ выраженіи, ни въ оборотахъ своихъ съ другими восточными языками и служить доказатель-

(*) Калмыка и Калмычку легко можно узнать по первому взгляду: они имѣютъ широкообразное лице, одутевыя щеки, маленькіе глаза, тонкія брови и рѣзкія рѣсницы. Если кто съ насмѣшливою улыбкою взглянетъ на Калмыка, то онъ отрывисто скажетъ: Не смотри, что у меня маленькіе глазки, — они далеко-далеко видятъ, — больше 40 верстъ. И дѣйствительно, что вѣдучи съ нимъ верхомъ степью не только днемъ, но даже ночью никогда онъ не собьется съ дороги и доведетъ до улуса безошибочно.

ствомъ самостоятельности ихъ, неподвергающейся
разноплеменности.

Калмыки пристрастія къ наукамъ не имѣютъ и
тщательно скрываютъ свои книги, писанныя на
Тангутскомъ языкѣ; никогда не читаютъ ихъ при
постороннихъ людяхъ и не обнаруживаютъ предъ
ними своихъ сужденій. Въ бесѣдѣ разговариваютъ
только о дѣлахъ, относящихся до ихъ кочевой
жизни, выгодной продажи скота, овецъ и лошадей.
Жить съ ними очень скучно и если бы по благо-
склонному расположенію своему ко мнѣ приставъ
ихъ не занималъ меня разсказами о разнообраз-
ныхъ предметахъ, то два или три дня, показав-
лись бы для меня слишкомъ отяготительны.

Одна только пѣсня Калмычки заслуживаетъ
вниманіе любителя Поэзіи.—

ПѢСНЬ КАЛМЫЧКИ.

Милой ты мой, милой, несравненной,
Украшенье свѣтлаго Калчана!
Твое-мое сердце зернь двойчатка;
Въ небѣ живутъ солнышко съ луною;
А на землѣ ты да я мы оба!—

КОНЕЦЪ 3-го Отдѣленія.

Книга десек. ний стр 17-24. —

22/IV Врана

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУСТЫННИКОМЪ

ВЪ ХИЖИНѢ И

О

ПЕРСИЯНАХЪ, ВОДВОРИВШИХСЯ ВЪ АСТРАХАНИ

СОЧИНЕНІЕ

Путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ

АНДРЕЯ ПАВЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

Дерптъ, Мая 10-го, 1842 года

Ценсоръ Михаилъ Розбергъ.

чувства и намѣренія, оборачиваюсь, шупаю дверь и не нахожу ее. Вдругъ показался свѣтъ и ко мнѣ подходитъ въ крестьянской одеждѣ сѣдой старикъ и сурово спрашиваетъ меня: Кого тебѣ надобно? откуда ты? — Извини, любезный старикъ, что я нарушилъ твоѣ спокойствіе, сказалъ я ему въ отвѣтъ: я путешественникъ, ѣду изъ Камыцкой орды въ Астрахань, а остановился на станціи, что бы откормить свою лошадь.

Старикъ. Путешественникъ? милости просимъ; я радъ дорогому гостю. Благодарю васъ, что вы постѣлили мою хижину.

Я. И безъ всякаго намѣренія; я прогуливался по этому бугру; высокой курганъ привлекъ мое вниманіе — случайно попалъ на тропину, увидѣлъ слѣды и зашелъ къ вамъ. —

Старикъ. И хорошее сдѣлали дѣло. Я живу здѣсь 20 лѣтъ; ни одинъ человѣкъ еще не переступалъ за порогъ мой и ни одного смертнаго не слыхалъ я здѣсь голоса.

Я. Какъ! 20 лѣтъ!

Старикъ. Точно, 20 лѣтъ.

Я. Что же васъ побудило жить въ такомъ уединеніи?

Старикъ. Недоброжелательство людей. Оно преслѣдовало меня до старости моей и заставило избрать это мѣсто, — мѣсто вѣчнаго моего покоя.

Я. Извините, мое любопытство, вы были женаты, или и до сихъ поръ...

Старикъ. Былъ женатъ, и женщина причиною всего моего несчастія...

Я. Женщина! это удивительно! кажется этотъ ми-

лый и нѣжный полъ приносить намъ болѣе въ жизни удовольствія, нежели вреда.

Старикъ. Послѣдній всегда ближе къ намъ.

Я. Такъ по видимому невѣрность...

Старикъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, болѣе этого, коварство.

Я. Коварство! Боже мой! до какой степени унижаютъ себя эти творенія. —

Старикъ. Низкой, прибавьте, и даже постыдной. —

Я. Я думаю, воспоминаніе это наводитъ вамъ болѣе непріятностей.

Старикъ. Не всегда. Было время, когда я ропталъ на судьбу, но нынѣ нахожу утѣшеніе въ однихъ теплыхъ молитвахъ къ Богу и безпредѣльной къ нему довѣренности.

Я. И истребили изъ сердца горести, нарушающія вамъ покой?

Старикъ. Почти такъ.

Я. И довольны вашимъ состояніемъ.

Старикъ. Болѣе, нежели нужно. Благодаря Бога, я здоровъ, силы мои позволяютъ мнѣ работать, пишу пилю вкусную.

Я. Но удалясь отъ свѣтской жизни лишены пріязни, дружба, удовольствій? —

Старикъ. Все это одинъ призракъ... мечта... повѣрьте мнѣ, что пріязнь и дружба, о которыхъ вы говорите на устахъ людей, а удовольствія обольстительны для легкомысленныхъ, непонимающихъ настоящей цѣли нашего назначенія.

Я. Но эти основательныя познанія, безъ всякаго сомнѣнія, пріобрѣли вы чрезъ ваши бѣдствія?

Старикъ. Ваша правда. Когда я утопалъ въ рос-

коши, пѣгѣ, сладострастіи, тогда — ахъ, тогда я былъ слѣпецъ; — не могъ обсудить предмета, ни возникнуть въ причины его; все казалось мнѣ возможнымъ, я воехичался лестію, почиталъ пронырство, одобрялъ хитрость, обманъ; называлъ эти свойства рѣдкими, приписывалъ ихъ къ чести ума, отличныхъ дарованій, и въ этомъ заблужденіи отъ непомѣрнаго высокомерія, гордился счастіемъ своимъ, которое теперь считаю истиннымъ несчастіемъ.

Я. Но если при такомъ пристрастіи, вы сами не были орудіемъ несчастія ближнихъ, то для чего вамъ сомнѣваться. . . .

Старикъ. Въ отвѣтственности предъ Богомъ! о! пѣтъ, сударь, я долженъ ежечасно объ этомъ помышлять; легковѣріе мое, безъ сомнѣнія, навлекло многимъ величайшія бѣдствія.

Я. Быть можетъ. Но не бывъ свидѣтелемъ вашихъ поступковъ, не лзя судить объ нихъ основательно.

Старикъ. Натурально. Вамъ надобно знать исторію моей жизни.

Я. Если вы почтете меня своею довѣренностію...

Старикъ. Съ большимъ удовольствіемъ, не поскучайте только; я вамъ перескажу ее съ начала моего дѣтства.

(Молчаніе.)

Въ ту минуту, обернулся онъ отъ меня въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу; я догадался, что онъ хочетъ призвать въ помощь Его, излить предъ нимъ свои чувства и облегчить страждущее сердце отъ горести.

Въ землянкѣ его не было ни пола, ни печки, ни стульевъ; маленькая скамечка и столикъ, замѣняли мебель; въ другомъ углу на короткихъ подставкахъ настланные три доски, на которыхъ лежалъ мѣлкій камышъ, а въ изголовьѣ цѣлый пучекъ, служили ему вмѣсто мягкой постели; въ сѣнахъ стояло ведро съ водою и разная посуда, для варки кушанья.

При взглядѣ на эти вещи, онъ какъ будто упрекали утопающаго въ роскоши человѣка, и говорили ему: »тебѣ не предстоитъ надобности обладать большими имуществами истязать тѣлныя сокровища; посмотри на этого старца: — онъ доволенъ малымъ; »сытъ, веселъ и за это самое благоговѣетъ предъ провидѣніемъ болѣе, нежели жадный корыстолюбецъ, »ежедневно ропшущій на невыгоды свои и недо- »статки.«

Старикъ окончивъ молитвы, положилъ предъ образомъ три земные поклона, вздохнулъ, и оборотившись ко мнѣ сказалъ:

Какая тягость спадаетъ съ сердца моего, когда я исполняю долгъ христіанскій; — ты не повѣришь, дорогой гость, этому непонятному чувству, вселяющему въ насъ утѣшеніе къ будущимъ радостямъ. Оно придаетъ мнѣ животворную силу мысленно переселяться въ горніе предѣлы и презирать земныя наслажденія.

Я. Счастливъ тотъ, кто достигаетъ до этого блаженнаго состоянія!

Онъ взялъ записную книжку и началъ рассказывать мнѣ свои происшествія.

Я родился въ уѣздномъ городкѣ. Отецъ мой служилъ по выборамъ сперва Засѣдателемъ, а потомъ

Уѣзднымъ судьей; имѣнія онъ имѣлъ не болѣе 30 душъ. До 13-ти лѣтъ, выучился я дома порядочно читать и писать. Вскорѣ умерла моя мать и завѣщала при смерти своей душъ съ 200 моему отцу. Разбогатѣвши, отвезъ онъ меня на воспитаніе въ столицу и препоручилъ благоразумному наставнику, которому платилъ за воспитаніе и ученіе не малую сумму. Въ продолженіе 5-ти-лѣтняго курса, на отца моего были поданы извѣты въ лихоимствѣ; онъ долго находился подѣ судомъ, оправдался предъ нимъ, но съ большею потерей имѣнія. Мнѣ неизвѣстно, участвовалъ ли онъ взведенныхъ на него преступленійхъ, но вѣрно знаю, что мучительная неизвѣстность о рѣшеніи его участи была причиною скоропостижной его смерти. Тетка моя, съ отцовской стороны извѣстивъ меня о его кончинѣ, заставила меня возвратиться въ родину. Пять лѣтъ она была моею опекуншею; и когда меня ввели во владѣніе оставшагося послѣ отца имѣнія и я желалъ поступить въ военную службу, а управленіе его препоручить ей, она употребила всѣ средства отклонить меня отъ моего намѣренія, и, противъ желанія опредѣливъ въ статекую службу, успѣла женить на дочери сосѣда, чловѣка, пристрастившагося къ корысти, которой ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ разнообразными средствами увеличить свое состояніе.

Тестю моему не нравилась безпристрастная моя и безкорыстная жизнь. Сначала не постигалъ я тому причины, но въ послѣдствіе времени узналъ, что главною пружиною тому была его дочь, а моя жена, которая по не помѣрной роскоши была не довольна предоставляемымъ мною ей на ея расходы содержа-

ніемъ. Совѣты отца ея подтвердили эту истину. — Онъ при каждомъ свиданіи убѣждалъ меня не упускать по службѣ изъ виду выгоды и даже изыскивать средства увеличивать ихъ медлительнымъ рѣшеніемъ текущихъ дѣлъ, до того времени, пока они со стороны просителей не принесутъ мнѣ вѣщней пользы. Но совѣсть не допускала меня нарушить данную предъ Богомъ и Государемъ присягу; чрезъ это сдѣлался я ненавистенъ женѣ и тестю. Первая оставила почти домъ и проводила время, то въ собраніяхъ, то на балахъ, а иногда въ театрѣ, а послѣдній платилъ мнѣ за мои визиты хладнокровіемъ и презрѣніемъ. Сдѣлавшись чуждымъ родственной пріязни и потерявъ чрезъ постоянство характера любовь жены, находилъ я утѣшеніе въ вѣрной моей обязанности; но это счастье продолжалось не долго; знакомые ея повлекли меня къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, за бостонною игрою, вистомъ, началъ я забывать свою должность, льстилъ случайнымъ, старался потворствовать ихъ дѣламъ, угнѣталъ справедливыхъ, лишалъ ихъ чрезъ неправосудіе чести — имѣнія, и, обогативъ себя для прихотей, роскошной и изнѣженной жизни, былъ нечувствителенъ къ раззорившимся отъ моего невниманія, короче сказать: беззащитный, слабый, угнѣтенный ненавистію ближняго находилъ во мнѣ не покровители, но корыстолюбца, употребившаго во зло власть, довѣренность, совѣсть и честь.

Я. И долго вы были въ этомъ заблужденіи? —

Старикъ. Болѣе 5-ти лѣтъ. Въ это время супруга моя завела тайныя связи съ богатыми и случай-

ными людьми, нарушила супружескіе обѣты и платила мнѣ за угожденія однимъ вѣроломствомъ.

Я. Развѣ вы не въ силахъ были удержать ее?

Старикъ. Отъ распутства, хотите вы сказать? чѣмъ болѣе старался я исправить ее нравственность, тѣмъ болѣе вооружилъ ее противъ себя, и она въ защиту мнимой своей невинности, сыскавъ покровителя направилъ его оклеветать меня предъ моимъ начальствомъ, и чрезъ это средство лишила меня довѣренности его, дружбы знакомыхъ и любви родныхъ.

Я. И вы, по видимому, не пожелали быть предметомъ презрѣнія?

Старикъ. Этого мало, насмѣшекъ, злословія, я долженъ былъ вытерпѣть всю кару мщенія преступной женщины, разсѣявшей ложные слухи о моемъ поведеніи. Она довела меня до того, что каждой человѣкъ сдѣлался мнѣ чуждымъ и при каждой встрѣчѣ бѣгалъ отъ меня, какъ отъ хищнаго звѣря.

Я. Кто же показалъ вамъ путь въ эти необитаемыя мѣста?

Старикъ. Познакомившійся со мною въ Астрахани рыбакъ. Онъ часто ловить рыбу въ этомъ заливѣ и отвозить ее для продажи въ городъ.

Я. И посѣщаетъ васъ?

Старикъ. Нѣтъ. Ему неизвѣстно мое жилище; я избралъ его самъ и устроилъ собственными руками.

Я. Все это хорошо; но откуда же достаете вы пропитаніе?

Старикъ. Я ѣзжу въ моей лодочкѣ два раза въ годъ, а иногда 3 въ городъ, продаю тамъ рыбу и запасаясь продовольствіемъ.

Я. И уже ли ни когда не думаете возвратиться въ отечество? —

Старикъ. Въ отечество? Ахъ, сударь, при этомъ словѣ трепеть невольно проникаетъ въ мое сердце. Кому оно не драгоцѣнно? Нѣтъ въ мірѣ чловѣка, который бы не вспоминалъ о немъ, нѣтъ существа, которое бы чуждалось его. Въ немъ покоится прахъ моихъ родителей, прахъ предковъ; при старости лѣтъ, желалъ бы я пролить эту горячую слезу надъ ихъ могилою, и если можно, съ спокойнымъ духомъ умереть подлѣ ихъ. Но я не думаю, что бы съ отсутствіемъ моимъ людское злословіе утихло. — Ахъ! Оно при первомъ моемъ появленіи поразитъ меня, какъ ядовитая стрѣла.

Я. Предусмотрительность ваша похвальна, въ присутствіи вашемъ могутъ возникнуть пересуды; могутъ родиться сомнѣнія о вашей отлучкѣ, о вашемъ предпріятіи; быть можетъ его сочтутъ страннымъ, будутъ осмѣивать; это наведетъ вамъ новыя непріятности, и вы раскаетесь, что разстались съ уединенною своею жизнію. Все такъ; но позвольте мнѣ вамъ откровенно сказать: вы стары, годъ отъ году силы ваши ослабѣваютъ; придетъ время, что вы не въ состояніи будете трудиться; къ этой слабости, случайно можетъ обременить васъ тяжкая болѣзнь; скажите, кто подастъ вамъ руку помощи, когда не въ состояніи вы будете привстать съ своего мѣста? — Кто промочитъ засохшій вашъ языкъ отъ жажды? Кто подастъ вамъ пищу, что бѣ утолить вашъ голодъ? Одна томительность, неразлучная собесѣдница вашего злополучія приготовитъ вамъ мучительную смерть; и тогда, когда дыханіе ваше прекратится,

трупъ вашъ останется безъ человѣческаго состраданія; ни кто не подойдетъ къ нему, ни кто не взглянетъ съ сожалѣніемъ на охладѣвшія ваши члены; — въ это уединеніе, въ которое ни одинъ человѣкъ не прокладываетъ слѣда, можетъ быть, дикіе звѣри съ стремительною нападутъ на нихъ и будутъ терзать ихъ по частямъ. Представьте эту картину въ умѣ своемъ, помыслите только, какой жестокости подвергаете вы себя произвольно, и изъ чего? Изъ того единственно, что тягостно показалось вамъ переносить обыкновенныя непріятности, которыя неизбежны между людьми; и если вы, посвятивъ себя пустынноческой жизни, думаете однимъ раскаяніемъ загладить ваши преступленія, предавъ себя въ жертву неизвѣстности, то и въ этомъ случаѣ не достигнете желаемой цѣли. Такъ, милостивый государь, я говорю вамъ сущую правду. Теплыя молитвы и чистосердечное раскаяніе угодны Богу тогда, когда заглаживаете вы преступленія свои добрыми дѣлами.

Старикъ. Но гдѣ я найду обиженныхъ, что бы испросить у нихъ прощеніе, и въ состояніи ли вознаградить ихъ потерю, когда самъ бѣденъ.

Я. Это правда, найти ихъ трудно, а можетъ быть и не возможно; иные померли, другіе забыли при скорбіи свои и положились во всемъ на власть Всевышняго; безъ сомнѣнія, есть изъ нихъ и такіе, которые сами не захотятъ принять потеряннаго; но вамъ предстоитъ много случаевъ вмѣсто ихъ оказать помощь другимъ. Перемените вы вашъ образъ жизни; изберите для себя близъ города хижину и соотвѣственно силамъ трудитесь ежедневно. Малѣйшую часть заработка употребляйте на содержаніе самаго себя,

Успѣхъ ихъ торговли зависитъ на всегда отъ благопріятствующаго времени. Если въ Персіи или и въ самой Астрахани не существуетъ зараза, то всё шелковые матеріи могутъ получать они въ короткое время изъ карантиннаго очищенія, а по заплатѣ въ таможню пошлины перевезти въ складочныя мѣста и свободно заниматься продажею ихъ; но когда чума свирѣпствуетъ въ сильной степени и издѣлія ихъ пахотятся въ окуркѣ по шести педѣль, то въ это продолжительное время нѣжныя ткани, въ особенности шелкъ, подвергнувшись отъ газа порчѣ, съ одной стороны вводитъ ихъ въ потерю, съ другой, приостанавливаетъ ходъ торговаго оборота; по эту потерю вознаграждаютъ разчетливые Персіане возвышеніемъ цѣнъ на ихъ издѣлія.

Нѣкоторые изъ нихъ торгуютъ ими на Нижегородской ярмаркѣ, другіе продаютъ ихъ оптомъ Астраханскимъ армянамъ, а большая часть Персіанъ занимается въ Астрахани штуковою продажею. Изъ всѣхъ вещей, шали ихъ и ковры отличаются отъ Европейскихъ издѣлій не только добротою, но и отблескомъ разноцвѣтной игривости. Часто случается, что за шаль перваго сорта берутъ они по двѣ и по три тысячи рублей, а за лучшій коверъ по 2,000 рублей; но штука бурмети, на подобіе нашей нанки, въ 16 и 17-ть аршинъ длиною, а въ $\frac{3}{4}$ ширины стоитъ 8 рублей мѣди; кусокъ ладжи (полушелковой ткани) длиною въ 15 аршинъ, а шириною въ $\frac{1}{2}$ ар. 35 руб. простыя же ткани малоцѣнны и въ сравненіи съ Русскими столь дешевы, что каждой Европѣецъ удивится и не сочтетъ за вѣроятное, чтобы

Персидскіе мануфактуристы прибрѣтали отъ занятій своихъ какую либо выгоду.

Изъ доставляемыхъ ими древесныхъ плодовъ, свѣжіе продають только гранатки (*), а вижиръ, шепталу и курегу сушеные на вѣсь и за умѣренную цѣну. Можно было замѣтить, что на выгоду тѣхъ произведеній Персіяне не обращаютъ особеннаго вниманія и всегда стараются продавать ихъ оптомъ Армянамъ, которые большую часть перепродаютъ на Нижегородской ярмаркѣ, а меньшую по мѣлочн въ самомъ городѣ.

Живущіе въ Астрахани Персіяне Магометанскаго вѣроисповѣданія. Они чтутъ алкоранъ, какъ большая часть восточныхъ народовъ, исключая идолопоклонниковъ. Строгіе блюстители своей Религіи и не пристрастны къ изслѣдованію другихъ вѣроисповѣданій.— Вставъ рано утромъ, они, по обыкновенію своему, не принимаясь ни за какое дѣло обмоютъ сперва изъ кувшина холодною водою всѣ члены своего тѣла, исключая спины; напоследокъ, въ зимнее время на паркахъ въ своей комнатѣ, а въ лѣтнее на дворѣ или на крыльцѣ постелятъ на землѣ коверъ, на которомъ поджавъ ноги читають шепотомъ молитвы; съ благоговѣніемъ приподнимають руки къ Небу и дѣлають земные поклоны (**).— Въ продолженіе этого времени, они не только невнимательны ни къ какимъ предметамъ, но даже не обратятъ взоровъ своихъ на по-

(*) Гранатокъ сотня стоитъ 10 руб. мѣдн, пудъ вижиру 8 руб., а куряги и шепталы по 6 руб.

(**) Этотъ обрядъ соблюдаютъ они и по закатѣ солнца, безъ всякой отмѣны.

сторонняго челоѣка, отъ котораго могли бы получить вѣщую пользу. Такъ мысли ихъ и чувства устремляются къ Вездѣущему, ниспосылающему намъ обильные свои дары.

По окончаніи молитвъ пьютъ они шербетъ, любимой ими напитокъ, употребляемый въ мѣсто чаю или кофе, а потомъ занимаются продажею товаровъ; если же нѣтъ покупателей, то курятъ табакъ изъ камня, или перебирая безпрерывно четки, читаютъ шепотомъ молитвы. Къ обѣду и ужину наемная прислуга изъ ихъ же націй приготовляетъ имъ кушанье на Азіатскій вкусъ. Они также, какъ и Армяне любятъ до чрезмѣрности жареную на щышлыкѣ баранину, называемую ими кабафъ, плавъ изъ сарочинскаго пшена съ курятиною, а чаще всего бараній супъ съ какою нибудь зеленью; никогда за столомъ не употребляютъ горячихъ напитковъ, умѣренны въ ѣдѣ, но пристрастны къ лакомству; ни жиръ, ни омы и прочія сласти употребляютъ Персіане вмѣсто десерта. Во время обѣда ужина или завтрака принимаютъ съ вѣжливостію пришедшаго къ нимъ челоѣка, угощаютъ его своими яствами и при отходѣ имѣютъ обыкновеніе надѣвать закускамъ; — по эта благорасположенность оказывается, по большей части, тѣмъ лицамъ, которые имѣли съ ними связи по торговымъ сношеніямъ, или въ концѣ они имѣютъ надобность для соблюденія будущихъ выгодъ. Во время же поста (рамазанъ) прекращаютъ свою торговлю и не имѣютъ никакого сообщенія съ посторонними людьми.

Они почитаютъ также за величайшій грѣхъ есть вареное мясо и даже разнаго рода кушанье, пригото-

товленное Христіаниномъ. Никогда не покупають у нихъ говядины или баранины и на предметъ этотъ имѣють своихъ мясниковъ, убивающихъ животныхъ для ихъ продовольствія. Съ презрѣніемъ смотрятъ на людей, употребляющихъ въ пищу свинину и при входѣ въ комнату къ инверцу не могутъ вытерпѣть запаха ея. Тщательно стараются избѣгать знакомства приверженцевъ этой пищи и оскорбительной насмѣшки падъ ихъ обыкновеніями. Не любятъ разсуждать съ Христіанами о своей религіи и каждой вопросъ о ней оставляють безъ вниманія.

Постоянство ихъ характера обнаруживается болѣе при торговыхъ съ купцами сношеніяхъ. Замѣтивъ, что покупатель или продавецъ товара, подъ разными предлогами измѣняетъ свое обѣщаніе, Персѣ, безъ распрей окончить съ нимъ расчетъ съ потерей собственности и послѣ того, никогда уже не вступитъ съ нимъ въ торговые связи. Каждой изъ нихъ гнушается лжи и вѣренъ въ исполненіи даннаго слова. Изъ устъ его никогда не услышишь лести, свойственной хитрому челоуку, онъ чуждъ подобострастія, смѣлъ въ обращеніи, съ живостію объясняетъ свою надобность и не способенъ ни къ какому притворству словомъ сказать: въ чертахъ лица его примѣтны; величавость и благородство души.

Не имѣя обыкновенія изъ отчины своей вывозить въ Астрахань женъ и дѣтей, Персіане, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ отправляются одинъ разъ въ Персію для свиданія съ своими семействами. Въ это время остаются торговать въ ихъ лавкахъ родственники, а иногда и прикащики. Въ общественномъ ихъ домѣ нѣтъ ни одной женщины и всю домашнюю ра-

боту исправляютъ наемные Татары. Этотъ строгій образъ жизни невольнымъ образомъ заставляетъ каждаго подумать, что они не пристрастны къ сладострастію и свято чтутъ супружескіе обѣты; но не входя въ изслѣдованіе предосудительныхъ поступковъ, надобно сказать, что Персіяне на содержаніе семействъ своихъ высылаютъ въ родину достаточныя суммы и никогда не доводятъ престарѣлыхъ своихъ родителей до нищеты; Почитаютъ священнѣйшею обязанностію жертвовать для нихъ всѣмъ своимъ имуществомъ, съ усердіемъ исполнять ихъ волю и быть благодарными за ихъ попеченія.

Въ лѣтнее время имѣютъ обыкновеніе выѣзжать въ сады на цѣлый день. Выбравъ себѣ прохладное мѣсто подъ тѣнію вѣтвистаго дерева и приготовивъ вкусныя яства, вѣжливые персіяне въ безмолвной тишинѣ насыщаются ими съ такимъ дружескимъ расположеніемъ, какъ чадолюбивый отецъ за трапезой въ кругу любезнаго своего семейства. Скромную эту бесѣду всегда охраняетъ по просьбѣ ихъ радужной садоводецъ и не допускаетъ къ ней постороннихъ людей для нарушенія спокойствія. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, иные по пристрастію своему занимаются шахматною игрою, другіе играютъ на Азіятской балабайкѣ, а прочіе подпѣваютъ пѣсни, и съ такою тихостію, что напѣвъ ихъ едва услышишь за нѣсколько сажень. Его протяжный звукъ, соотвѣтствующій положенію любимцевъ уединенія наводитъ болѣе скуки, нежели удовольствія. Всего занимательнѣе видѣть уклончивость ихъ отъ сообщенія съ ино-вѣрцами и постигнуть настоящую тому причину. Она, по мнѣнію моему, заключается въ основномъ ихъ

характеръ, которой не имѣеть склонности заводить излишнихъ разговоровъ, не терпитъ шуму и не любить видѣть несогласія. Персы, замѣтивъ, что прочіе Азіятцы на гульбищахъ предаются Бахусу, а при играхъ и пляскахъ непрерывно кричать предпочли уединеніе безпокойной бесѣдѣ.

Разсматривая отдѣльно характеръ Персіянъ, можно было замѣтить, что они отъ природы имѣютъ отличныя способности къ наукамъ, но отъ упражненія ими отвлекаетъ ихъ торговля, тѣсно соединенная съ ихъ пользою. Впрочемъ, отъ сообщенія съ разноплеменными народами научаются они практически объясняться на армянскомъ, грузинскомъ и Индійскомъ языкахъ, но на Русскомъ не соблюдаютъ во многихъ рѣченіяхъ правильности; природные россіяне съ трудомъ понимаютъ ихъ объясненія и часто ведутъ съ ними переговоры чрезъ переводчиковъ. Эти люди служатъ имъ вмѣсто еврейскихъ факторовъ. Они узнаютъ ото всѣхъ торговцевъ цѣнность товаровъ, курсъ звонкой монеты, ассигнацій, входятъ въ сношеніе торговыхъ и займообразныхъ сдѣлокъ и объясняютъ имъ выдаваемые изъ таможи свидѣтельства на вывозъ товаровъ, съ повѣркою взысканныхъ по тарифу пошлинъ; словомъ сказать: во всѣхъ отношеніяхъ не упускаютъ изъ виду пользу довѣрителей, которые при исправныхъ расчетахъ не теряютъ своихъ капиталовъ и всегда въ уваженіи у прочихъ коммерсантовъ.

Во время только праздниковъ (байрамовъ), Персіяне имѣютъ обыкновеніе приглашать къ себѣ въ гости знакомцевъ своихъ и угощать ихъ яствами или напитками, сообразно вкусу каждаго посѣтителя.

Въ ихъ компаніи магометане послѣ обѣда съ удовольствіемъ пьютъ шербеть, армяне наравнѣ съ русскими чай или пуншъ, а индійцы кофе. Приверженцы къ табакѣ бесѣдуютъ за кальяномъ, а любители бостопной игры за шахматами. Въ то время, персіане дѣлаются словоохотливы и рассказываютъ знатокамъ ихъ языка о богатствѣ своего отечества съ такою пріятностію, что всякой слушатель остается доволенъ подробнымъ объясненіемъ каждаго предмета. Эти чувствованія, безъ сомнѣнія, возраждаются у нихъ отъ любви къ родинѣ, съ которою они разлучаются изъ корысти, свойственной торговцамъ. Не лзя не отдать имъ должной справедливости и въ знаніи утонченнаго общежитія. Они первымъ правиломъ почитаютъ снискивать довѣренность почетныхъ особъ и пользоваться ихъ благорасположеніемъ. Многіе изъ вѣжливости удостоиваютъ ихъ праздники посѣщеніями, и эта оказанная имъ честь дѣлается предметомъ общаго въ городѣ разговора въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Занимательны же всего видѣть, какъ они до наступленія байрама обязаны исправлять правила алкорана, относительно чистоплотности.

Не имѣя особенной бани по примѣру соотчичей своихъ Астраханскіе Персіане нанимаютъ ее всегда на таковой случай у Татаръ, живущихъ въ слободкѣ за канавою. Въ назначенный день выйдутъ они на крыльцо и дожидаются, когда взлезетъ Муэззынъ на крышу мечети и будетъ оповѣщать магометанъ о готовности ихъ чистилища; и лишь только первый отголосокъ дойдетъ до ушей ихъ, то въ ту же минуту, прислуга договоритъ имъ нѣсколько экипажей, на

которыхъ они отправятся въ баню, со всѣми для ея приготовленіями. По приѣздѣ въ которую служители раздѣлываютъ ихъ въ особой комнатѣ и одѣвъ въ бѣлыя простыни вводятъ каждого въ теплый передбанникъ, скидаютъ съ нихъ покрывала и по очереди кладутъ на мраморную доску, на которой вытрутъ сперва все тѣло мазью называемою на ихъ языкѣ Пуре. Она составляется изъ извести и желтаго арсеника или заячьей капусты. Отъ этого состава волосистыя части тѣла въ нѣсколько минутъ сдѣлаются гладки, какъ ладонь. Послѣ этого два банщика перекадываютъ каждого на другую доску и начинаютъ на ней мять, вытягивать, жать и расправлять всѣ части тѣла, всѣ составы. Между тѣмъ, какъ двое трудятся надъ однимъ, третій безпрестанно льетъ на него теплую воду; напоследокъ ловкой и расторопной банщикъ надѣвъ на руку волосяную рукавицу начинаетъ ею тереть Персіанина и сдираетъ съ него кожу слоями, наподобіе смоченныхъ лоскутовъ бумаги. Эту двухъ часовую операцію называютъ они Тимаръ-Кердентъ, т. е. скрести или производить соскребаніе. Для прикрасы имѣютъ они обыкновеніе въ этой же бани выкрашивать свои волосы въ черный цвѣтъ, посредствомъ краски, составляемой изъ листьевъ дерева индиго; а иные обсыпавъ ихъ порошкомъ Генне преобразитъ въ красный цвѣтъ. По выходѣ изъ бани въ чистую комнату, въ полномъ одѣяніи садутъ на нары, устланные коврами и примутся курить трубки или камьянъ (наргеле), пить кофе и вести какой нибудь любопытный разговоръ часа по четыре.

Возвратясь въ общественный домъ, каждый изъ нихъ въ своей комнатѣ почитаетъ священной обязан-

ністю до обѣда вычитать молитвы, а послѣ отдыха заниматься коммерціею.

Не смотря на сухощавое тѣлосложеніе Персіянъ, они довольно крѣпкосильны, ловки и искусные паѣз-дники. Росту высокаго, окладъ лица имѣють продолговатой, носъ орлиный, а волосы, по большей части черные, которые цвѣту загорѣвшагося отъ солнца лица, придаютъ нѣсколько бѣлизны; богачи носятъ полукафтаны изъ лучшаго синяго сукна, бешмети изъ шелковой матеріи, подбитыя ватою; нижнее платье изъ ладжи, а на ноги надѣвають остроносые туфли на высокихъ коблучкахъ; во все время года голову покрываютъ высокими изъ черныхъ мерлушекъ шапками, покрой конхъ похожъ на стоячіе колпаки; въ зимнее же время одѣваются въ лучшіе полушубочки, покрытые сукномъ; на противъ того, посредственнаго состоянія Персіяне такого же покроя носятъ полукафтанчики изъ толстаго полусуконья, похожаго на Латышское сукно, а бешмети, подбитыя ватою шьютъ всегда изъ бурмети; прочее же одѣяніе ихъ не имѣетъ никакой отмѣны.

Языкъ ихъ въ выраженіяхъ противу татарскаго довольно гибкій, деликатный и даже способный къ объясненію остроумія, замысловатости и игривыхъ предметовъ; фигура буквъ ихъ похожа на Арабское письмо. Пишутъ по примѣру восточныхъ народовъ отъ правой руки къ лѣвой. Въмѣсто словесности любить заниматься въ дружескихъ бесѣдахъ обсуживаніемъ разнородныхъ предметовъ, а при расположеніи

духа пѣтъ національныя пѣсни. Ихъ единообразная жизнь покажется для Европейцевъ, привыкшихъ по-слѣ трудовъ наслаждаться различного рода удовольствіями, слишкомъ утомительною.

КОНЕЦЪ.

Среди бесплодныхъ степей, около заливовъ рѣки Волги, которые между высокихъ бугровъ протекають, въ иныхъ мѣстахъ на 30, а въ другихъ и на 80 верстъ, учреждена Журуковская почтовая станція, въ 75 верстахъ отъ Астрахани отстоящая. Усталый мой конь заставилъ меня пребыть въ этомъ мѣстѣ сутки. Надобно было откормить его не подножнымъ кормомъ, но Русскимъ, сытнымъ, которой бы возстановилъ силы и укрѣпилъ здоровье. Не смотря на дорогой овесъ, я не щадилъ себя для любезнаго моего товарища, чистосердечно радовался постоянному его характеру и восхищался своеправными, милыми и любезными привычками. Онъ никогда не подпускалъ къ себѣ посторонняго челоуѣка, не обольщался подносимымъ ему кормомъ и не заставлялъ меня предпринимать строгія мѣры осторожности для сбереженія его. Ни похититель, желающій воспользоваться имъ, ни добросердечный челоуѣкъ утолить голодъ или жажду не пріобрѣталъ его расположенія. Онъ былъ для всѣхъ, исключая меня, дикъ и неприступенъ. При каждомъ взглядѣ на него возраждалася у меня счастливая мысль: «какимъ бы наслаждалсь смертные благополучіемъ, — когда бы запечатали въ сердцахъ своихъ другъ къ другу равную привязанность; но къ несча-

стію, жребій рода челоуѣческаго столь разнообразенъ, что по смѣси характера его представляетъ онъ изъ себя жалкую, смѣшную, а иногда и постыдную картину заблужденія.

Убѣдясь въ справедливомъ умозаключеніи, разрушающимъ связи родства и дружбы, я желалъ разсѣять мрачныя свои мысли прогулкою по высокому кургану, вблизи почтовой станціи находившемуся. Услужливый смотритель былъ моимъ путеводителемъ. Мы пошли на него медленными шагами. Взошедши на высокое мѣсто, съ котораго видѣнъ заливъ, вытекающій изъ Волги верстъ на 70-ть, я любовался пестротою тихошумящихъ волнъ и колебаніемъ камыша, издающаго томные отголоски натуральной мелодіи. Блескъ солнечныхъ лучей придавалъ ему разноцвѣтную игривость. Прельстись поэтическою картиною, воспламеняющею воображеніе, я въ этомъ восхитительномъ состояніи невольнымъ образомъ забылъ, гдѣ я? и кто возлѣ меня? Вдругъ звонъ колокольчика прервалъ мои очарованія, оборотившись назадъ, увидѣлъ я четверомѣстную коляску, смотритель стремглавъ побѣжалъ въ почтовую станцію пропихать подорожную проезжающихъ, а меня оставилъ въ пріятномъ расположеніи духа обозрѣть дикія мѣста, отказавшія дѣятельности челоуѣческой украсить ихъ искусственною прелестію.

Выбѣжавшая съ другой стороны залива подъ парусомъ лодка привлекла мое вниманіе. Я думалъ, что это рыбаки, но по мѣрѣ приближенія ея увидѣлъ въ ней нѣсколько калмыковъ съ семействами своими, направившихъ путь свой перебраться на правую сторону бугра. Въ сажняхъ во сто отъ меня пристали

они къ берегу, перенесли свои имущества и не болѣе, какъ въ 5-ть минутъ раскинули кибитки; вслѣдъ за ними показался маленькій челнокъ, съ двумя человѣками, которые поперегъ залива выметали сѣть и въ минуту скрылись отъ любопытнаго моего взора въ густой камышъ; я желалъ было подойти къ нимъ, спросить ихъ, какую они ловятъ рыбу, изъ какого приплыли мѣста, но всѣ мои старанія были тщетны; сошедши внизъ, потерялъ изъ виду то мѣсто, къ которому они пристали, долго блуждалъ по берегу и не могъ видѣть двухъ существъ, очаровавшихъ мое зрѣніе; любопытство мое удвоилось, я взошелъ опять на бугоръ, и къ удивленію моему увидѣлъ ихъ на другой сторонѣ рукава, вытекающаго изъ того залива. Одинъ изъ нихъ, неребирая сѣть, вынималъ изъ нея желточешуйчатыхъ карасей, другой подгребалъ на веслахъ и предоставлялъ ему возможность свободно вытаскивать свою ловушку. Не прошло 10-ти минутъ рыбакъ сѣлъ въ корму, а весельщикъ поставивъ по срединѣ лодки толстой шестъ, раскинулъ парусъ и подавъ ему веревочныя правила сѣлъ въ носъ. Четверть часа смотрѣлъ я на нихъ жаднымъ взоромъ, и, въ это короткое время при увеличившемся западномъ вѣтрѣ лодка ихъ показалась порхающею на подобіе бабочки. Такъ исчезъ изъ виду предметъ, занимавшій меня, и такъ быстро летитъ время на крыльяхъ и исчезаетъ подъ разрушительною косою Сатурна.

Долго стоялъ я въ задумчивости, какъ будто отъ потери мнѣ много сердцу предмета, то желалъ возвратиться на станцію, то думалъ перейти бугоръ и прогулкою успокоить волненіе души, лишенной надежды удовлетворить любопытство; — въ эти минуты перѣ-

шительность приковала меня къ одному мѣсту и не давала мнѣ покоя до того времени, пока чувства воспріяли новую силу и бодрость пробудилась въ усыпленной моей душѣ. Мало по малу переступилъ я нѣ сколько шаговъ, потомъ удвоилъ ихъ, а наконецъ успѣлъ до такой степени, что въ нѣсколько минутъ перелѣзжалъ вдоль берега до полверсты. Съ вершины его, увидѣвъ я въ правой сторонѣ другой заливъ, возлѣ котораго въ густомъ камышѣ показавшійся дымъ, обнаружилъ мнѣ вершины кибитокъ; полагая, что это калмыцкій улусъ, прикочевавшій съ границъ земли донскихъ казаковъ, я оставилъ его безъ вниманія, сошелъ на берегъ и пошелъ вдоль бугра, возлѣ камыша, что бы свободнѣе вытти на высокой курганъ, окруженный двумя буграми.

Непонятное чувство влекло меня къ нему, и если бы въ эту минуту кто нибудь спросилъ меня, куда ты идешь, и за чѣмъ? право я не могъ бы дать никому вѣрнаго отчета. Бываютъ въ жизни минуты, въ которыя человекъ, при порывахъ души стремится къ неизвѣстному ему предмету, къ неизвѣстной плѣни, о которой онъ не понимаетъ — не воображаетъ и даже не чувствуетъ; и когда встрѣтимъ что нибудь новое, занимательное, странное или удивительное приписываемъ это случаю или судьбѣ.

Предоставляя философамъ раскрывать порывы душевные и выводить умозаключенія о вѣрномъ направленіи ихъ къ постоянной мѣтѣ, я обращаюсь къ настоящему моему положенію, и слѣдуя внушенію чувствъ, стремлюсь побывать на курганѣ, которой гордо возвышаясь надъ двумя буграми, какъ будто вла-

степниъ защищаетъ ихъ своимъ могуществомъ отъ грозныхъ бурь.

Но чѣмъ скорѣе желалъ я дойти, тѣмъ болѣе непримѣтно видимый предметъ отдалялся отъ меня; я не могъ постигнуть причины — увеличивалъ шаги — быстро перескакивалъ чрезъ маленькіе рвы, наскоро бѣжалъ внизъ — и напоследокъ не чувствуя усталости дошелъ до подошвы возвышеннаго и не приступнаго по крутизнѣ своей мѣста; перескочилъ ручеекъ и вышелъ на битую тропинку; — пройдя по ней не болѣе минуты, примѣтилъ я слѣдъ — свѣжій, показывающій въ недавнемъ времени перешедшаго человѣка. Вѣроятно, подумалъ я, есть здѣсь какое нибудь жилище, и потому болѣе, что живши съ калмыками, я никогда не видалъ на ихъ степи такихъ торныхъ дорожекъ; — но разсуждать было нѣкогда — надобно узнать до какого мѣста она проложена — и чей это слѣдъ? Не оставляя изъ виду ни одного шага, дохожу я по той тропинѣ до горнаго утеса, подъ которымъ въ углубленіи показался мнѣ сходъ въ низкое мѣсто; иду по немъ и вижу маленькую дверь, обросшую сверху и по бокамъ мхомъ; на ней не было ни замка ни петли; я дотрогиваюсь до нее, — думаю отворить, и нахожу ее запертою; потомъ начинаю стучать и не прошло четверть минуты, дверь отворилась, и я при входѣ въ темное жилище не вижу никого — и не знаю, кто выпустилъ меня; — можно вообразить мое смущеніе — безпокойство и невѣстность; я хочу переступить съ мѣста, но темнота препятствуетъ мнѣ сдѣлать вѣрное направленіе и погрузила меня въ мрачное безмолвіе. Вотъ камень преткновенія. Одно мгновеніе перемѣняетъ наши мысли,

